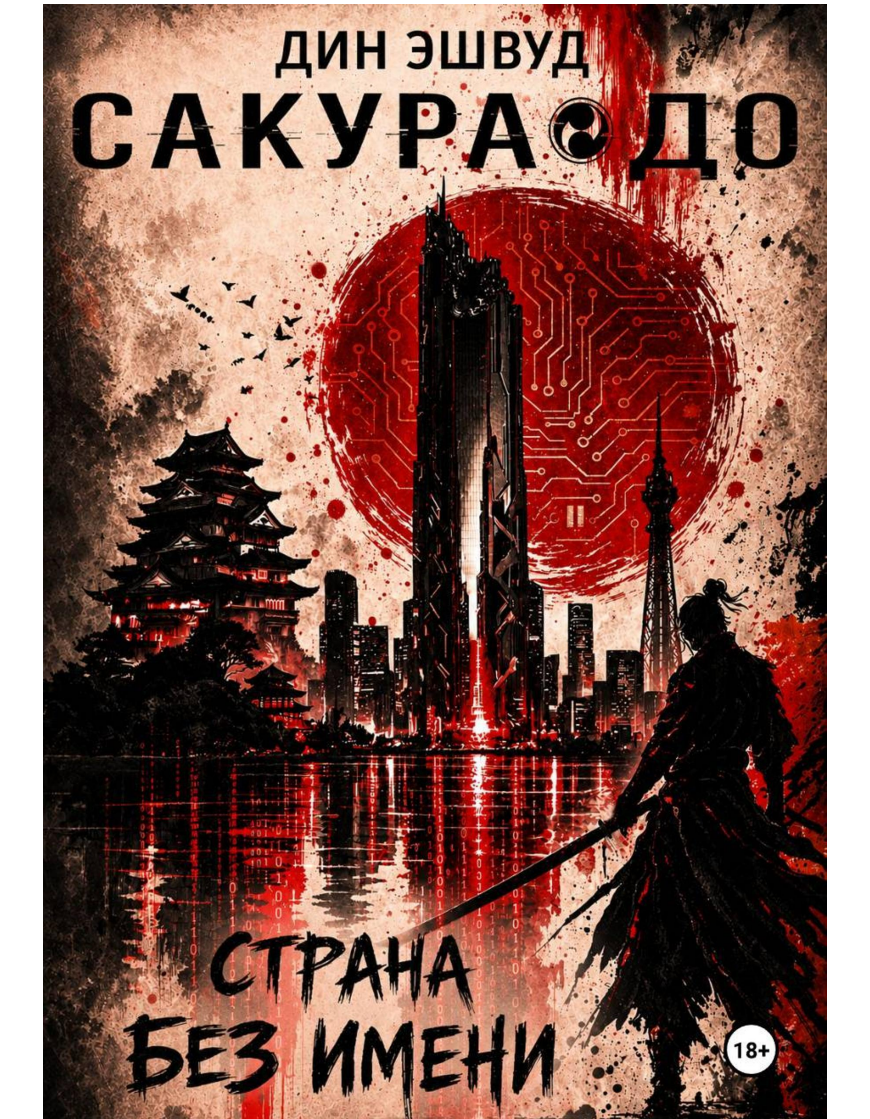

ДИН ЭШВУД
САКУРА **ДО**

**СТРАНА
БЕЗ ИМЕНИ**

18+

Дин Эшвуд

Страна без имени

<https://litres.ru/74027409>

SelfPub; 2026

Аннотация

После катастрофы Япония расколота между корпоративными автономиями. Миром правят технологии, способные изменить человеческое тело, память и даже личность.

Томоэ Сакура живёт музыкой, друзьями и мечтой однажды выйти на большую сцену. Но после гибели близкого человека её жизнь начинает стремительно меняться.

В это же время следователь Коно Рюдзи расследует серию преступлений, связанных с новым загадочным феноменом.

И чем дальше заходит расследование, тем очевиднее становится: некоторым тайнам уже далеко за сотни лет.

«Страна без имени» — киберпанк-триллер о личности, памяти и мире, где прошлое способно изменить будущее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	51
Глава 3	74
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Дин Эшвуд

Страна без имени

Пролог

Огромный, словно скала, самурай рухнул перед ним — рассеченный от плеча до пояса. Еще один воин школы Дзигэн-рю пал, присоединившись к мятежникам, что осмелились восстать против сёгуна.

Опустилась зловещая тишина. Только ветер шевелил листву, нарушая тревожный покой.

Теперь от хозяина додзё, легендарного мастера призрачного удара, его отделяли лишь тонкие раздвижные двери.

— Рюдзи? Ты меня слышишь? — вкрадчиво, с легким недовольством, раздался с кухни голос Мияко — его матери. — Папа вернулся. Поможешь с покупками?

Мир дрогнул и растворился во тьме, оставив после себя одно-единственное уведомление: «Сессия завершена».

Рюдзи тяжело вздохнул, снял VR-гарнитуру и бережно поставил ее на зарядку. Рядом положил новейшие перчатки — те самые, что имитировали вес самурайского меча с пугающей достоверностью. На миг ему даже показалось, что клинок все еще лежит в ладонях.

Нехотя поднявшись, паренек покинул свою комнату и вы-

шел во двор.

Их дом располагался недалеко от парка Уэно. Сезон цветения сакуры близился к концу, и повсюду лежали светло-розовые лепестки, будто весна щедро усыпала землю нежным снегом.

Рюдзи недовольно разворошил ногой этот розовый ковер. Похоже, в выходные его ждала очередная уборка. Но от тягостных мыслей его отвлек резкий хлопок дверцы автомобиля.

Олег припарковался возле гаража. Завидев сына, он тепло улыбнулся и помахал рукой. Рюдзи бросился к нему и обнял так крепко, будто не видел целую вечность.

Пиджак был расстегнут, верхняя пуговица рубашки — тоже, а кончик галстука торчал из кармана. От отца исходил знакомый аромат — терпкий одеколон, полированная кожа и едва уловимый запах сухого бархата, пропитавшего воздух дипломатических кабинетов.

Со стороны трудно было бы поверить, что они — отец и сын. Разве что открытый взгляд и редкий для Японии серо-голубой цвет глаз выдавали родство. Во всем остальном Рюдзи пошел в мать — смуглый, круглолицый, невысокий. Впрочем, глядя на Олега, чей рост приближался к метру восьмидесяти, существовала вероятность, что время еще возьмет свое.

Отец мягко потрепал сына по волосам, открыл багажник и передал тому пару пакетов. Потом вдруг замер, будто вспом-

нив о чем-то важном, и достал из внутреннего кармана плотный черный конверт с голографическим изображением: на фоне очертаний японского архипелага два воина скрещивали мечи.

Глаза Рюдзи вспыхнули.

— Это... «Путь меча»?.. — воскликнул он почти с благоговением. — Но ведь релиз только через два месяца!

— Я сегодня виделся с дядей Гэнсэем, — улыбнулся мужчина. — Это он передал.

— Он в Токио?.. А он придет на ужин?

— Нет... Думаю, он уже вернулся в Осаку. Ты же знаешь, как он занят в последнее время.

— Жаль... — Рюдзи бросил взгляд на конверт, словно опасаясь, что тот исчезнет.

— Слушай, — после короткой паузы произнес Олег. — А что, если летом навестим его? Возьмем маму, посмотрим додзё, где он живет. Думаю, тебе понравится.

— Серьезно? — в голосе мальчишки звенел неподдельный восторг. — Было бы круто!

Олег наклонился к сыну, подмигнул и добавил заговорщически:

— Только про игру маме ни слова, ладно? А то опять начнет, что мы с твоим дядей дурно влияем на твою успеваемость.

Рюдзи озорно ухмыльнулся, и они направились в сторону дома. Под ногами тихо шуршали лепестки сакуры, укрывая

все вокруг мягким розовым ковром.

— Приятного аппетита!

Рюдзи набросился на еду, чередуя рис, рыбу и мисо, с такой скоростью, будто внутри него работал кухонный комбайн. Закончив трапезу, он уже собирался улизнуть в комнату, но строгий взгляд матери приковал его к месту.

— А ну стой. Не хочешь рассказать отцу о своих школьных подвигах?

Мальчик, встретившись глазами с молчаливым, но выразительным отцовским взором, тяжело выдохнул и покорно вернулся на татами. Потупившись, буркнул:

— Ямамото-сэнсэй вызвала маму в школу.

Олег даже крикнул от неожиданности — сын никогда не доставлял хлопот в учебе.

— Вот как? И что же ты натворил?

Собравшись с духом, Рюдзи выпалил:

— Ну... сэнсэй долго смотрела в окно, а потом сказала: «Сакура цветет, а я вспоминаю то, что давно прошло».

— О, это же Басе! И что было дальше? — Олег ловко поддел палочками кусок рыбы, обмакнул в соевый соус и отправил в рот.

За сына ответила Мияко:

— А дальше мадам Ямамото пустилась в рассуждения о гениальности поэтов эпохи Эдо. А наш малолетний философ заявил, что подобные строки может сочинить любой ребен-

НОК.

— Я не это сказал! — возмутился Рюдзи. — Просто упомянул, что в одном детском стихотворении Пушкина больше строк, чем во всех хайку Басе. Она попросила пример — я прочитал «К другу стихотворцу».

Олег расхохотался:

— Так вот из-за чего весь шум! А я-то думал, что речь идет о чем-то серьезном.

Мальчик, убедившись, что буря миновала, посмотрел на родителей с мольбой в глазах — руки чесались поскорее запустить игру, которую принес отец.

— Можно я пойду? Обещаю завтра убрать двор.

Уловив добродушный кивок отца, он тут же вскочил и исчез в своей комнате.

— Ты его избаловал, — с досадой бросила Мияко. — Завтра сама позвоню Ямамото и скажу, что вместо меня придет отец семейства.

— Не боишься, что после моего визита краснеть придется за двоих? — усмехнулся Олег.

Он потянулся через стол, легко коснулся ее пальцев.

— Обещаю, поговорю с ним. Но, согласись, в девять лет не каждый цитирует Пушкина наизусть — да еще стихи, из книги, которую бабушка прислала всего неделю назад.

— Кстати, как она?

— Хорошо. Должны скоро выписать.

— Даже представить страшно... В ее возрасте — и такая

операция. Замена обоих легких на искусственные импланты.

— Ты ее просто не знаешь так, как я. Уверен, она уже на следующий день была готова сбежать обратно на службу.

Мияко улыбнулась, но в улыбке мелькнула усталость.

— Я знаю, ты никогда не скажешь, но ведь это благодаря ей наши страны нашли общий язык, и проекту «Сердце Аматаэрасу» был дан зеленый свет?

— Слышу тревогу в голосе. Что-то случилось?

— Просто работа. Весь день копалась в расчетах. Никак не могу понять, что меня смущает.

— Был же тестовый запуск?

— В половину мощности. Неважно... — она вздохнула.

— Я уже подключила к анализу ИскИн Гэнсэя. Результат будет через пару часов. Надеюсь, я просто накручиваю себя.

Олег придвинулся, обнял ее за плечи.

— Сегодня виделся с твоим братом.

— Да, я тоже. Он утром заезжал в институт. Привез обновление для Эйси. Говорит, к концу года выйдет нечто революционное. Заодно проведаль Цуки и Мори.

— Это те самые клоны ириомотских кошек? Как они?

— Пока стабильны. Только... — Мияко вздохнула. — Финансирование снова урезали. Все уходит на военные проекты.

— Генсей уверяет, что после выборов новый премьер пересмотрит бюджет, а заодно и внешнюю политику — и с Россией, и с Китаем.

Мияко молча кивнула, но тревога в ее взгляде никуда не исчезла.

Из детской на втором этаже раздался писк активации VR-системы и восторженный вопль Рюдзи:

— Ух ты, Эдо в реальном масштабе!

После захода солнца их район погружался в особую, ни с чем не сравнимую тишину. С улицы через дорогу изредка доносилось мяуканье бродячей кошки, привычно выпрашивавшей очередное лакомство под дверью у их соседки Саэко-сан. Раздался щелчок открывающейся двери, причитания Саэко, звон металлической миски — и вновь все стихло.

Мияко сидела в гостиной, поджав ноги, не отрывая взгляда от ноутбука. На экране система методично перебирала сценарии поведения экспериментальной энергетической установки — той самой, что должна была навсегда избавить архипелаг от зависимости от ископаемого и ядерного топлива.

В центре интерфейса медленно вращалась объемная модель энергетического контура, напоминавшего гигантское кольцо. Графики вспыхивали и исчезали один за другим, наслаиваясь, переплетаясь, пока память системы постепенно заполнялась новыми данными.

Эйси работал без пауз и признаков усталости. Для новейшего ИскИна, разработанного компанией «Oni», не существовало неразрешимых задач — просто на некоторые тре-

бывалось чуть больше времени.

С кухни вернулся Олег. Заметив, что жена полностью ушла в работу, он не стал ее тревожить. Поставил перед ней чашку со свежесваренным чаем-ходзича и сел рядом.

Смартфон в его руках раскрылся, словно книга. Надев гарнитуру, мужчина погрузился в бесконечный поток заголовков. Конечно, он и так прекрасно знал, что происходит в мире — профессия обязывала. Просто хотелось увидеть, как это подает пресса и о чем спорят люди.

Перед глазами всплыл новостной блок ННК. В ленте мелькали сообщения: о решении Вашингтона свернуть военную инфраструктуру США на Окинаве на фоне внутреннего кризиса; о новом витке роста цен на продовольствие и энергоносители; о снятии моратория ООН на применение технологии нейроимплантации.

Комментарии, как обычно, метались между восторгом, страхом и откровенным безумием.

Фыркнув, он откинулся на спинку дивана. На пороге технологических перемен люди всегда сходят с ума — ищут знамения, врагов или спасителей.

Мысли скользнули к Гэнсэю. То, что тот показал ему днем, казалось невероятным — и в то же время пугающе реальным. Возможно, именно это и станет дверью в новое будущее.

Последняя новость о стремительном укреплении позиций

социал-демократической партии на предстоящих выборах в парламент Японии заставила Олега невольно взглянуть на стену, где за свитком какэмоно скрывался сейф.

Завтра, едва откроется посольство, нужно будет отправить диппочтой доклад в Москву. И флешку — с проектом договора о всеобъемлющем партнерстве, первом за полвека. До вступления нового премьера в должность руководство как раз успеет согласовать все спорные пункты.

Он вдруг заметил, как непривычно тихо стало в доме.

— Олег... — он обернулся, не сразу осознав, что слышит голос жены.

Мияко звала его сухо и сдавленно, будто издалека.

Нервно прикусив губу, она смотрела ему в глаза, повернув экран ноутбука. Цифры, строки, таблицы, результаты расчетных итераций — в этом он мало что понимал. Но то, что сразу приковало внимание, — это карта Японии. Весь регион Канто, север Хонсю и Хоккайдо были окрашены в насыщенный бордовый.

— Что это? — Олег нахмурился.

— То, что случится после запуска, — коротко ответила она и медленно провела пальцем по экрану, раскрывая временной отрезок.

— Все-таки ошибка в расчетах?

— Нет, в расположении самого кольца и его воздействии на тектонические разломы. В первые месяцы никто ничего не заметит. Через полтора года последует серия локальных

толчков магнитудой шесть-семь баллов. Пиковая активность — через два года: восьмибалльные землетрясения продолжительностью в несколько месяцев.

— Токио?.. — он не договорил. Ответ уже был перед глазами. Прямо в центре огромного красного пятна.

Мияко посмотрела на него. Безнадегу и упадок в ее взгляде сменила холодная решимость.

— Нужно подготовить доклад. Времени слишком мало... — она лихорадочно закликала по папкам, собирая полный отчет.

Олег быстро набрал чей-то номер. Пока шли гудки, спросил:

— Значит, два года?

— Да. И толчки — это еще не самое страшное.

— Цунами? — спросил он, хотя ответ уже знал.

— Да. Волна пройдет по всему восточному побережью. Первым смоем Сендай. До Хоккайдо дойдет за сорок минут. А потом — вулканическая активность, радиация, аварии, нехватка продовольствия, паника, весь север станет непригоден для жизни...

Внезапно погас свет, и Мияко резко замолчала. Со второго этажа из комнаты Рюдзи донесся пронзительный электронный писк — включился бесперебойник игрового комплекса и VR-системы.

— Сеть пропала, — Олег с недоумением уставился на экран.

— У меня тоже, — откликнулась Мияко. — Может, авария?

— Схожу во двор, посмотрю, что у соседей.

Он поднялся, включил фонарик на телефоне и шагнул в прихожую. Свет выхватил из темноты чей-то силуэт — и тут же вспыхнула боль: удар рукояткой пистолета пришелся в основание шеи. Его резко развернули и втолкнули обратно в комнату. Споткнувшись, он упал. Все случилось за считанные секунды.

Мияко вскочила, сердце забилося в груди. Ее взгляд метнулся к мужу, затем к темному проему двери.

Из мрака, словно сотканный из тьмы, перед ней возник человек в маске. Женщина хотела закричать, позвать на помощь, но тот повалил ее лицом на диван, заломил руки за спину и липкой лентой заклеил рот.

Пластиковая стяжка резко сдавила запястья. Мияко дернулась, пытаясь вырваться, но тщетно. Пластик больно впился в кожу.

Следом вошли еще двое. Один сразу занял позицию у окна, внимательно наблюдая за обстановкой во дворе. Второй, играючи вертя в руках пистолет, подошел к Олегу и присел перед ним на корточки.

— Жалкий гайдзин, — с презрением бросил он. Затем поднялся и навел оружие на Мияко. — Сейф. Доступ к цифровому кошельку. И твоя байдзё не пострадает.

Олег, пытаясь прийти в себя, кивнул, выражая согласие.

Медленно, молча, подобрал упавший смартфон, разблокировал доступ к счетам и протянул его, вероятно, главарю нападавших. Тот кивнул с одобрением, взял устройство и передал его подельнику, следившему за Мияко.

— Ай, вот это молодец, — протянул он с едва уловимым кансайским акцентом. — Теперь сейф.

— Но там нет ничего ценного. Только рабочие документы, — попытался возразить Олег, поднимаясь.

Удар под дых сбил его с ног. Он захрипел, пытаясь вдохнуть.

— Сейф, — повторил главарь. Его голос стал глухим и плоским. Он подошел к Мияко, схватил ее за волосы и рывком перевернул на спину. Сквозь заклеенный рот донесся ее сдавленный стон. — Не вынуждай. Ты ведь не хочешь смотреть, как в Киото ломают строптивых шлюх, а?

— Все, все, не трогайте ее. Я понял.

Медленно, держась за живот, он подошел к стене, где был спрятан сейф. Дрожащими пальцами отодвинул какэмоно, ввел код. Механизм открылся с тихим щелчком. Ему тут же заломили руки за спину и силой усадили рядом с Мияко.

Один из налетчиков, тот, что следил за улицей, подошел к сейфу и стал выгребать и бросать на пол его содержимое. Затем достал из рюкзака кипу каких-то бумаг и небрежно разбросал их сверху.

— Готово, — прокомментировал он.

— Тогда заканчиваем, — бросил главарь. Повернулся

к чете Тамариных и навел пистолет. — Ничего личного, гайдзин.

И тут Олег все понял: это не просто грабители. Его подставляли. У простых налетчиков явно не могло быть оборудования, способного вырубить мобильную сеть. Это больше походило на работу западных спецслужб — пусть и руками обычных бандитов.

Пистолет дернулся. Выстрел. Без вспышки. Глухой хлопок. Голова Олега откинулась назад — и он рухнул на Мияко. Та забилась в истерике.

Второй выстрел.

Мир померк.

На мгновение воцарилась тишина.

Лишь дыхание нападавших, искаженное фильтрами масок, наполняло комнату. Главарь — тот, кого звали Такэда Синдзо, — опустил руку с пистолетом и хрипло выдохнул:

— Ичиро, ты на первом этаже. Как договаривались — переверни здесь все. Ценности, мелкая техника, смартфоны, коммуникаторы — все, что влезет в рюкзак, тьяни. Быстро. И проверь еще раз — чтоб копы сразу нашли те документы, что заказчик просил оставить. Не облажайся.

Тот, что стоял у сейфа, — высокий, прохрипел прокуреным голосом:

— Слушаюсь, босс.

И тут же засуетился: принялся выдергивать ящики, раскидывать бумаги, сбрасывать на пол вещи и книги с полок.

Аккуратно, стараясь не создавать лишнего шума, разбил пару ваз — имитируя следы борьбы.

— Акио? — Синдзо обернулся.

— Все чисто. Счета обнулены, перевод ушел на имя Иноуэ Гэндзио из Куромацу-кай, — отозвался третий, моложе остальных, но с отсутствующим мизинцем на правой руке.

— Хорошо. Терки с полицией и разведкой ослабят их влияние в Осаке, — оскалился Синдзо. — Куромацу Такэру давно пора на покой. А то этот деревянный дед всё ещё мечтает растянуть лапы своей шайки за Канто. Ну-ну.

— Синдзо, глянь... — с сомнением протянул Акио и показал экран ноутбука, на котором все еще вращалась трехмерная модель литосферы с энергетическим кольцом и сейсмическим прогнозом. — Я в этом не шарю, но... похоже, через пару лет всему Канто — кранты.

Синдзо подошел ближе, хмуро взгляделся:

— Черт... Это что, землетрясение, что ли?

— Похоже. Вот же жуть, — пожал плечами Акио.

— Забирай. В штабе разберёмся.

Акио положил ноутбук в рюкзак. В этот момент Синдзо поднял взгляд к потолку, откуда внезапно донесся равномерный электронный писк — и голос:

— Такэдзо! Настало время выяснить, кто лучший мастер меча!

Синдзо нахмурился.

— Что за... — пробормотал он и прищелкнул языком. —

Заказчик, мать его, ничего не говорил, что в доме будет кто-то еще.

Он жестом заставил сообщников замереть, поднял оружие и на цыпочках начал подниматься по лестнице. Шаги гулко отдавались в пустоте.

Две комнаты. Дверь в одну была приоткрыта — спальня. Тихо. Пусто.

Вторая — закрыта. Из-за нее струился свет, доносился голос — мальчишеский, радостный, увлеченный.

Синдзо медленно приоткрыл дверь.

Детская комната. По полу разбросана манга, пластиковые аниме-фигурки, пустые коробки от коллекционных карточек. В центре — мальчик, погруженный в игру. VR-шлем закрывает лицо, наушники плотно обхватывают голову, пальцы в VR-перчатках сжаты, будто он действительно держит меч и сражается насмерть. Движения — быстрые, отрывистые. Видимо, бой идет в полную силу. Он даже не заметил, как дверь открылась.

Синдзо застыл в проходе, сжимая пистолет. Секунда... две...

Он судорожно сглотнул. На мгновение комната показалась ему пугающе знакомой. Как та, что он недавно обустроил с женой в Осаке. Детская. Голубые стены с веселыми тануки. Подушки с лисами. Через месяц у него должна была родиться дочь.

Он почти отступил.

Но заказчик недвусмысленно несколько раз повторил: «Ликвидировать всех, кто в доме. Никого не оставлять в живых».

Он поднял пистолет. Рука дрожала, когда он целился.

Выстрел.

Руки мальчика безвольно опустились. Тело обмякло и завалилось на пол, словно у куклы перерезали нити. Писк бесперебойника стал пронзительнее.

Синдзо еще секунду стоял, смотрел. Затем молча вышел и прикрыл дверь.

Словно в забытии он прошел в спальню, убрал оружие в наплечную кобуру и машинально начал вытряхивать из ящиков и шкафа одежду, перевернул постель. Возвращаясь, еще раз бросил взгляд на дверь детской. Картина оседающего тела ребенка все еще стояла у него перед глазами.

— Все, валим, — бросил он, спускаясь вниз.

Как только нападавшие покинули дом, вспыхнул свет. Все посторонние звуки смолкли.

Из перевернутой чашки медленно стекали остатки ходзича. Он капал на татами, впитывался в волокна, смешиваясь с кровью. На диване, накрыв собой Мияко, лежал Олег. Обе фигуры застыли в противоестественной позе, будто кто-то запечатлел мгновение, в котором исчезла жизнь.

Где-то на улице мяукнула кошка.

Все снова стихло.

Старая госпожа Саэко проснулась от странного чувства. Вокруг все было спокойно, но бродячая кошка, которую она звала Муко, вдруг снова разразилась мяуканьем под дверь. Саэко с удовольствием бы приютила Муко у себя дома, но проклятая аллергия на шерсть мешала это сделать.

Она встала и выглянула в окно. В доме Тамариных было темно, и ей показалось, что двор соседей покинули какие-то люди. Внезапно словно по щелчку пальцев во всем доме ярко вспыхнул свет. Это насторожило мнительную Саэко...

Нахмурившись, пожилая дама накинула на плечи куртку и, надев сандалии, вышла на крыльцо. Муко тут же стала тереться о ее ноги. Саэко, не обращая внимания на кошку, пересекла улицу, вошла во двор и сквозь приоткрытые занавески заглянула в окно гостиной соседей.

В ту же секунду она в панике отшатнулась. На диване — безжизненные тела. Кровь. Погром. Осколки. Разбросанные книги.

Она бросилась в свой дом и, вернувшись, моментально набрала номер полиции.

— Это... это... Икэнохата 2-1-35, убийство... Приезжайте скорее!

Через двадцать минут двор залило синим светом. Молодой следователь Кагеяма Наото, только-только заступивший на должность и еще не успевший притупить чувства, первым вошел внутрь. Его передернуло от увиденного.

Дом — тихий, остывающий, пропитанный запахом крови и чем-то неуловимо горьким.

Слева — гостиная.

На диване — двое. Мужчина и женщина. Без движения.

Поза — почти интимная. Словно пытались укрыть друг друга от неизбежного.

Кровь — густая, уже начавшая темнеть.

Он активировал запись на камере, встроенной в тактические очки, и передал в гарнитуру:

— В гостиной обнаружены два тела. По следам все указывает на ограбление.

Дом постепенно наполнялся криминалистами и медиками.

Наoto еще раз быстро оглядел помещение и направился на второй этаж. Спальня.

Повсюду хаос — разбросанные вещи. Вторая дверь — закрыта. Он повернул ручку.

— В комнате на втором этаже ребенок. Мальчик. Лежит на полу. Ранение в голову, крови немного.

Присев, он осторожно снял с головы мальчика треснувший VR-шлем — и вдруг осекся.

Сквозь полуприкрытые веки зрачки двигались. Он проверил пульс. Слабый, но был.

— Срочно медиков на второй этаж! — выкрикнул он. — Тут ребенок! ПУЛЬС ЕСТЬ!

Топот. Возгласы. Суета.

Наото поднялся, отступив в сторону. Над мальчиком склонился фельдшер.

— Живой. Слабый пульс. Давление падает.

— Носилки сюда срочно! Готовьте реанимацию!

Наото перевел взгляд на покрытые трещинами, но все еще мерцающие экраны VR-шлема. Там, на фоне цифровой равнины, самурай в древних доспехах продолжал сражаться. Ветер нес лепестки сакуры — равнодушный к происходящему.

И в этом последнем кадре было больше жизни, чем во всем доме.

Глава 1

Рюдзи распахнул дверь и тяжело опустился на водительское сиденье. Машина слегка качнулась.

— Ну что там? — Рэн лениво выпустил дым в приоткрытое окно. — К чему вся эта спешка?

— Я же просил. Не кури в салоне.

— Снова ты со своими заморочками, уже надоел.

— У тебя дыхалка ни к черту. На прошлой неделе ты мне чуть задержание не сорвал. Как можно было не догнать парня, в которого я разрядил пол-обоймы?

— Да на нём живого места не было, — отмахнулся Рэн. — Собран из кусков, как сраный андроид. Бегал когда-нибудь наперегонки с шасси от спортивной куклы?

— У него стояли обычные протезы «Кэйтек», — фыркнул Рюдзи.

— Занудный ты какой, а!

Помедлив, Рэн всё же выбросил окурок. Тот упал на тротуар, и пара уборочных дронов сорвалась с док-станций и с жужжанием устремилась к нему, как коты, заметившие мышь.

Чуть дальше замыкали периметр дроны Департамента безопасности Осаки. Голографическая лента вспыхнула и мягко оттеснила зевак вместе с редкими репортёрами. Над всем этим возвышалась башня жилого комплекса «Накаши-

ма» — строгая, неподвижная, как священный монолит эпохи до катастрофы.

— Так чё там в башне? — Рэн лениво потянулся за новой сигаретой, но, заметив взгляд напарника, одернул руку. — Мы-то тут нахрена вообще?

— Судя по словам охраны — вспышка СПС, — пояснил Рюдзи, развернув панель коммуникатора. — Но с минуту назад поступил приказ от шефа: не вмешиваться и ждать спецназ.

— Спецназ? Там что, массовое помешательство?

— Нет. Подозреваемый один. Рабочий — осуществлял ремонтные работы на сорок втором. Охрана его пропустила с материалами. Через несколько минут звонок на ресепшн: человек, представившийся офицером Императорского флота, заявил, что этаж заминирован, жильцы взяты в заложники, а он требует выплат репараций за бомбардировки Токио, Хиросимы и Нагасаки.

Рэн прищурился, прильнул к лобовому стеклу, будто пытаясь угадать, где именно сорок второй этаж.

— Элитное жильё, а пускают кого попало, — пробормотал он. — Я вот чего не пойму: этот «проб» — он уже таким пришёл или его накрыло на месте? И есть данные, кто носитель?

— Вот, смотри, — Рюдзи переслал напарнику файл. — Журнал посетителей. Наш клиент Микагэ Тосио. Нырни в Поток, прогони по базе.

Глаза Рэна на мгновение потемнели, зрачки потеряли фокус — он погрузился в цифровое пространство. В салоне повисла тишина.

Какая-то мысль, словно червяк, глодала Рюдзи изнутри. Всё происходящее казалось чересчур странным.

Если подозреваемый пронес в здание взрывчатку, значит, готовился заранее. Но если он вошёл туда уже как «пробужденный», то как сумел ни разу не засветиться?

Обычно носители СПС — синдрома пробужденного сознания, или просто «пробы» — проявляли себя сразу. Начинали говорить на архаичных наречиях, кричали о демонах и аде-Дзигоку, прятались в тёмных переулках мегаполиса, за мусорными контейнерами. Там их и подбирали люди из «Кайдзэна».

А если попадался особенно буйный «пациент» — подключали ОКП — отдел контроля пробужденных Департамента безопасности Осаки, где служили Рюдзи и Рэн.

Но этот «проб» был другим. У него были требования, была цель. Четкая линия поведения. Это не походило на случайное стечение обстоятельств. Кто-то должен был объяснить ему как все устроено в этом времени. Кто-то явно направлял его.

— Так, — протянул Рэн, не обрывая связь с Потокон. — Микагэ Тосио. Сорок три года. Отставной военный. Прописан в Идзумиоцу, занимается сезонным промыслом рыбы, подрабатывает разнорабочим, в основном частные заказы.

Ранее не привлекался. Нейроимплант — «SEED Gen.2» от «Кейтек Дайнэмикс» — базовая комплектация. Погоди...

Он на мгновение завис.

— ...он умер два года назад.

Рюдзи резко повернулся.

— Умер?

— Похоже, кто-то использует его айди.

— Уверен?

— Ну да, есть ещё вариант, что он воскрес и решил продолжить с того места, где остановился, — Рэн моргнул, возвращаясь из Потока. — Но это вряд ли.

Он на секунду задумался.

— И ещё. Я поднял записи с уличных камер. Никто, подходящий под описание рабочего со стройматериалами, в здание не входил.

Рюдзи не успел ответить. Пространство едва ощутимо завибрировало.

К центральному входу, почти цепляя подвеской дорогу, подъехал чёрный бронированный фургон. На борту — белый иероглиф «Клык» и стилизованная волчья пасть. Даже на расстоянии было видно: машина перегружена.

На ее крыше застыл массивный дрон поддержки — гладкий, обтекаемый, с боковыми доками для спутников. Военная модель, адаптированная под нужды Департамента.

— Вот и кавалерия, — бросил Рэн, наблюдая, как задние двери фургона с характерным шипением открылись, и нару-

жу один за другим стали выскакивать бойцы штурмового отряда.

Последним вышел громила в усиленном нано-кевларовом панцире с дополнительной бронёй на торсе и плечах. Лицо и шея скрыты маской в стиле менпо. В Департаменте вольности в экипировке не поощряли, но для него, похоже, сделали исключение.

— Во, это Кацураги Горо, — завистливо протянул Рэн, облокотившись на приборную панель. — Ветеран «войны автономий». Бывший оперативник «Родан». Показатели силы и реакции — как у боевой куклы. Два метра живого мяса и мышц.

Рюдзи почти не слушал болтовню напарника. Наблюдая за подготовкой штурма, он заметил знакомое лицо. Секунда колебания — и, хлопнув дверью, он направился в сторону бойцов.

У фургона дорогу ему преградили. Рюдзи молча раскрыл удостоверение и, проскользнув мимо, остановился позади женской фигуры, поправлявшей разгрузку.

— Акари, давно не виделись.

Девушка обернулась. На её губах появилась натянутая улыбка.

— Тамарин. Помнится, в последнюю нашу встречу ты ясно дал понять, что служба и отношения — вещи несовместимые.

— Я до сих пор придерживаюсь этого мнения, — спокой-

но ответил он. — Но, смотрю, ты всё-таки добилась своего и попала в спецназ. Представь, какой был бы стресс — жить с постоянной тревогой за твою жизнь.

— Ой, да ладно, — фыркнула она. — Где ты и где чувства. Сам-то когда последний раз дома ночевал?

— Что есть, то есть. Слишком много стало на улицах в последнее время несчастных крестьян из Эдо. Кстати, не поделишься, что происходит?

Её взгляд на миг потеплел.

— Вот что в тебе всегда нравилось — эта лёгкость, с которой тыходишь в доверие и между делом вытягиваешь всю нужную информацию. Как ты это делаешь, Тамарин?

— И чувства добрые я лирой пробуждал...

— Басё?

— Пушкин. — Рюдзи кивнул в сторону высотки. — Так зачем вы здесь? Такие вещи обычно по части «Родан».

Девушка вздохнула. Особой любви между Департаментом безопасности и Службой противодействия чрезвычайным ситуациям «Родан» не было, хотя формально они подчинялись одним и тем же властям — городскому совету Осаки. Слишком разными были их взгляды на правосудие.

«Родан» считались преемниками Службы общественной безопасности, но после краха государственных институтов всё изменилось. Восстания, голодные бунты и разросшиеся подпольные радикальные течения заставили пересмотреть их подход к работе.

Аналитика и тайные операции уступили место силовым методам. В «Родан» предпочитали сначала стрелять — и лишь потом задавать вопросы, если ещё оставался кто-то, способный на них ответить.

— Думаю, они скоро тоже придут. Но у нас другая задача, — наконец ответила Акари. — Приказ поступил напрямую от арбитра «Хорицу»: без лишнего шума эвакуировать из здания одного человека. Большого сказать не могу.

Фургон рядом дрогнул, и по пандусу с тихим жужжанием скатился гладкий чёрный шар. Через мгновение пластины на его поверхности сдвинулись, открыв утопленные стволы, сенсорные линзы и поворотные модули вооружения.

— Ого, штурмовой бот «Куромару», — хмыкнул Рюдзи. — Отдел обеспечения вас балует...

— Балует? Да это списанный китайский хлам, — фыркнула девушка.

В этот момент командир подразделения, Кацураги, получив окончательные инструкции, оторвал руку от виска и подал сигнал к началу операции.

Двое бойцов — операторов беспилотных систем — на миг застыли, синхронизируясь с подопечными через Поток.

Массивный четырехлопастной дрон оторвался от крыши фургона, набрал высоту, и тут же, словно рой насекомых, из него вырвались десятки миниатюрных разведчиков. Они метнулись к фасаду «Накашимы», прочесывая поверхность и заглядывая в окна, постепенно поднимаясь выше. Сам но-

ситель скользил следом, удерживая строй — словно пастух за стадом.

Спецназ двинулся к зданию. Впереди, сканируя пространство, катился «Куромару».

— Всё, извини. Долг зовет, — Акари захлопнула шлем и поспешила за группой.

— Может, встретимся как-нибудь? Выпьем, вспомним академию? — окликнул её Рюдзи.

Она только махнула рукой.

— Ну и чё там отряд самоубийц говорит? — Рэн наконец нашёл, чем занять руки: откопал упаковку печенья «Поки» и методично уничтожал её содержимое. — Это же Акари была? Я не обознался? Вы что снова вместе?

— Не вместе... Ты, то должен знать, она же тебе как сестра.

— Ой, скажешь тоже. Мы тогда детьми были, да и прожила она с нами пару лет пока ее отец не забрал.

— Тем не менее гёдза, что готовила твоя мать она помнит.

Рюдзи чуть потеснил его, открыл бардачок и достал тактические перчатки. Натянул, защёлкнул фиксаторы на запястьях. Система считала биометрию, коротко пискнула и перешла в боевой режим. По внутренней стороне ладоней пробежал слабый электрический импульс.

Следом он извлек пистолет, проверил заряд — тот глухо загудел, откликаясь на сигнал. Убедившись, что всё в поряд-

ке, Рюдзи вернул оружие в кобуру.

— Так всё серьёзно? — Рэн скосил на него взгляд.

— Можешь найти поэтажный план башни и список жильцов?

— Секунду, — глаза напарника расфокусировались. Он поморщился: — Иногда мне кажется, что я твой персональный ИИ-ассистент.

— Ты — особенный, Кикутιё. Я нарисовал тебя в виде треугольника, — пробормотал Рюдзи.

Неясно было, о ком он говорит — о себе или о нём.

— Кикутιё? Это кто?

— Забей. Не отвлекайся.

Через пару минут коммуникатор Рюдзи пискнул, сообщая о получении данных.

— Слышь, я новость читал: скоро нейроимпланты будут без всякой хирургии ставить... — Рэн вернулся в реальность и цокнул языком. — Тебе бы попробовать. Ты как слепой, честно. Смотреть больно.

— Дело не в интерфейсе. Просто... Поток для меня закрыт, — Рюдзи быстро пролистал документы.

— Ммм... вот оно.

Пятьдесят первый этаж сдан в аренду китайской делегации. Глава — Лю Чжэньхай, старший научный сотрудник корпорации «Юаньдао». На экране появилось его фото.

«Значит, за вами, господин Лю, арбитр и отправил нашу команду спасения».

Рюдзи поднял взгляд. Спецназ уже исчез внутри здания.

— Ну чё, нашёл что-нибудь? — спросил Рэн, уловив перемену в его лице.

— Сложно сказать...

Потянулись томительные минуты ожидания. Зеваки и репортёры возбужденно вытягивали шеи, надеясь разглядеть, что происходит наверху. Воздух дрожал от сдержанного любопытства и ожидания сенсации.

К оцеплению подъехала машина с логотипом NHK+. Из неё вышла Мидзухара Кокоми — звезда горячих репортажей. Значит, информация о захвате заложников уже утекла на центральное телевидение. Теперь это точно попадёт в вечерние новости.

— Ладно уж, командир... — Рэн доел «Поки» и лениво потянулся. — Может, пока ждем, рамен закажем? А то у меня пузо уже на позвонках, как на барабанах-тайко, играет.

В этот момент раздался глухой хлопок.

Земля под ногами вздрогнула. Люди замерли, а затем, словно очнувшись, начали указывать вверх. Послышался звон бьющегося стекла — осколки градом посыпались на мостовую.

И следом, словно огромное пушечное ядро, на проезжую часть рухнул «Куромару». Удар был такой силы, что дорожное покрытие треснуло, и из плит вылезли обломки бетона с торчащей арматурой.

Спустя секунду рядом с ботом с жутким шлепком упало

человеческое тело. Судя по броне и габаритам, это был Кацураги Горо. Два метра живой плоти превратились в кровавый фарш.

Но на этом всё не закончилось — с неба вдруг потек алый дождь. Мерцающие капли падали на мостовую, на останки бота, на тело Кацураги. Они шипели, медленно, но неотвратимо разъедавая всё, к чему прикасались.

Репортёры словно обезумели — бросились к башне, пытаясь прорвать оцепление, явно ставя ценность кадра выше собственной жизни.

— Ахренеть... — Рэн сидел с открытым ртом. — Это чё вообще?

Рюдзи побледнел и выскочил из машины, напоследок толкнув напарника в бок.

— Срочно доложи в центр: заражение нанитами класса «пыль». Узнай, когда прибудет «Родан». Нужна бригада чистильщиков. Если эта дрянь доберётся до несущих металлоконструкций, башня сложится как карточный домик.

По зеркальному фасаду змеились алые потёки, шипя и разъедавая покрытие. Дрон воздушной поддержки, потеряв один из винтов, закрутился в воздухе и, описав спираль, исчез за соседним зданием. Почти сразу прогремел взрыв.

Внутри что-то щёлкнуло. Рюдзи сорвался с места и направился к входу, откуда остатки штурмовой группы вытаскивали раненых.

— Ты куда, а?! — заорал Рэн, вываливаясь из салона. —

Совсем псих! Если сдохнешь — твоё новенькое кресло в отделе заберу себе!

Рюдзи его уже не слышал. Он на секунду задержался у бойцов, пытаясь выцепить знакомое лицо, и исчез в глубине башни.

Ботинки глухо отбивали ритм по полированному полу, когда он пересекал опустевший холл. Ни охраны, ни персонала — только эхо собственных шагов, вонзающееся в уши.

Лифты не работали — пожарная система заблокировала доступ. Бегло осмотревшись, он бросился к лестнице. С усилием дёрнул на себя стальную дверь — та неохотно поддавалась.

Узкие пролеты тонули в тусклом, мигающем красном свете. В нос ударил густой запах жженого пластика, химии и раскаленного металла. Он на мгновение замешкался, будто прикидывая варианты, затем начал подъём.

Шаг. Ещё один. Потом сорвался на бег.

Лестница быстро превратилась в однообразный тоннель. Каждый пройденный этаж отзывался пульсом в висках. Пот стекал по спине. Лёгкие резала едкая вонь, хотя дыма почти не было. Где-то выше гудела сирена. Механический голос монотонно повторял приказ об эвакуации.

Рюдзи не останавливался.

Тридцать третий. Тридцать шестой. Тридцать восьмой.

Здесь он притормозил.

Пролетом выше ступени были усыпаны мелкой серой пылью, похожей на цемент. Наниты «Genrai Biotech», оружие известное еще со времён «войны автономий». Сама по себе «пыль» опасности не представляла, но стоило ей попасть на металл — и она оживала, начиная пожирать его с пугающей скоростью.

Слившиеся в алые сгустки наномашины, словно жирные слизи, планомерно уничтожали стальные перила. При этом они выделяли огромное количество тепла и тяжелый химический запах.

Рюдзи прикрыл нос рукавом и, обходя заражённые участки, поднялся на сорок второй этаж.

От двери в холл почти ничего не осталось. Взрыв сорвал её с петель, а «пыль» закончила начатое.

Рюдзи заглянул внутрь.

Зрелище было не для слабонервных: стены и перегородки разрушены, повсюду тела в изломанных позах. Пол и потолок покрыты пульсирующими алыми разводами. Система пожаротушения распыляла белёсый туман, но толку от него не было.

Внезапно сверху донеслись выстрелы, топот, крики.

Рюдзи выхватил пистолет и поднял голову, всматриваясь сквозь переплетение лестничных маршей.

Наверху мелькали силуэты. Кто-то кричал на ломаном японском:

— Что быть? Я ничего не видеть! Куда вести я?!

На секунду ему показалось, что он услышал голос Акари:

— Господин Лю, доверьтесь нам! Всё будет в порядке!

— Демон! Хотите убить я!

— Чёрт! Рёта, уводи его вниз, быстро!

Снова выстрелы, крик. Рюдзи рванул на звук.

Через пару этажей он наткнулся на широкоплечего бойца, за спиной которого к стене жался полный мужчина в очках. Лицо совпало с фото из досье — Лю Чжэньхай, глава делегации.

Боец вздрогнул, вскинул винтовку и открыл огонь. Рюдзи едва успел нырнуть за лестничный пролёт.

— Прекратите огонь! Я агент Департамента безопасности! — прокричал он.

— Тамарин?... — донеслось сверху.

Он осторожно выглянул. Акари стоя рядом с бойцом жестом приказала ему опустить оружие.

— Рёта, это свой!

Тот слегка расслабился, но тут же снова повел стволом, прикрывая тыл.

— Что с целью?

— Не уверена, что достала его. Тепловая сигнатура исчезла.

Акари подтолкнула китайца вперёд и начала спуск.

Поравнявшись с Рюдзи, коротко сказала:

— Крыша была заминирована. Командир Кацураги и половина группы погибли.

— Да, я видел его тело. Лежит на мостовой, рядом с вашим «Куромару», — скривился Рюдзи. — Я слышал выстрелы. Что произошло?

— На пятьдесят первом — бойня. Делегацию вырезали. Этого вытащили чудом. Прятался под кроватью.

Лю Чжэньхай, стоя рядом, затрясся:

— Демон... демон всех убивать!

— Когда мы его нашли, нас кто-то атаковал. Очень быстрый. Использует продвинутый камуфляж. Никогда такого не видела. Потеряли двоих наших, пока не догадались врубить тепловизоры.

Она указала на китайца:

— Можешь забрать его?..

Внезапно Акари замолчала. Раскрыв глаза она смотрела на напарника.

Тот застыл, будто наткнувшись на невидимую стену. В следующую секунду он захрипел — из горла показалось тонкое лезвие. Виброклинок исчез так же внезапно, как появился, оставив фонтан крови.

Тело Рёты обмякло и покатилося вниз, глухо ударяясь о ступени.

Краем глаза Рюдзи уловил движение — размытая тень там, где секунду назад стоял боец.

Рядом взвизгнул Лю:

— Демон! Демон всех убивать!

И не разбирая дороги, он бросился вниз.

Акари открыла огонь, но пули уходили в пустоту. Вспышки резали полумрак, а тень уже метнулась к ним.

Воздух дрогнул. Акари вскрикнула: по её броне расплзлось красное пятно. Рюдзи оттолкнул девушку в сторону и сам едва ушел от удара.

— *Спасибо, дядя Гэнсэй... за все шишки от боккэна...* — мелькнула мысль.

Виброклинок с тихим гулом прошел у самого уха. Рюдзи прицелился в мерцающий силуэт, но звякнула сталь и пистолет отлетел к стене. Свободной рукой Рюдзи ударил противника сбросив в него накопленный заряд перчатки.

Невидимость тут же спала.

Нападавший оказался на голову ниже Рюдзи. Черное защитное снаряжение плотно облегало тело, подчеркивая женскую фигуру. Лицо скрывала гладкая маска сквозь которую на Рюдзи уставилась пара глаз.

Их взгляды встретились, и в обоих мелькнуло замешательство.

Рюдзи не понимал, почему противник все еще на ногах. Обычно импульса перчаток хватало как минимум лишить сознания, как максимум — выжечь нейроимплант. Но не сейчас. Камуфляж, устойчивость к электроразряду — это что какая-то новейшая разработка корпов?

Глаза напротив выдавали иное. Узнавание.

Рюдзи замер. Они стояли вплотную, сцепившись. Сквозь маску прорывалось дыхание. Горячее, частое.

Мгновение — и замешательство исчезло.

Рюдзи ощутил удар в плечевой сустав — и рука бессильно повисла. Второй удар — в шею, и он рухнул, парализованный. Краем глаза он заметил как Акари сползает по стене, оставляя кровавый след.

Противник не стал их добивать, метнулся за своей жертвой.

Глухо, эхом отразившись в пустой лестничной клетке, донёсся крик. Затем — влажный, булькающий хрип.

Лю был мёртв.

Сколько прошло времени — он не знал. Наверное, совсем немного. Несколько минут — не больше.

Пожарная сирена по-прежнему продолжала надрывно выть, но ни спасателей, ни бригады РЭБ подавления так и не появилось.

Рюдзи с трудом поднялся. Тело отозвалось тупой болью, словно его прошили сотнями тонких игл. Правая рука почти не слушалась.

Он наклонился к Акари. Дыхание тяжёлое, сбивчивое, с хрипами. Но жива — уже хорошо.

Рюдзи нащупал в её разгрузке автоинъектор, выдернул и сразу прижал к шее. Раздался сухой щелчок. Девушка вздрогнула, судорожно втянула воздух и открыла глаза.

— Идти сможешь?

— Да... только надо... перевязать.

Он помог ей снять бронезилет, осторожно приподнял рубаху. На животе — рваная рана. Рюдзи наложил герметичный пластырь, прижал и активировал. Состав вспенился и быстро затвердел, стягивая края раны.

На ватных ногах, поддерживая подругу, он начал спуск.

Они миновали сорок третий этаж. Затем разрушенный сорок второй.

На сорок первом его замутило. Накатила тошнота.

Вся лестничная площадка была залита кровью.

В центре, на коленях, словно в позе ритуального самоубийства, застыло обезглавленное тело Лю Чжэньхая.

Стену позади трупа украшали, размашисто выведенные кровью иероглифы:

Свободу Окинаве! Китайские оккупанты, валите домой!

Головы Лю нигде не было. Но Рюдзи поймал себя на ощущении, что тот всё равно смотрит на них. С упреком.

С тяжёлым чувством опустошения они продолжили спуск.

Внутри отдела немногочисленные сотрудники сгрудились у одного из терминалов, вполголоса переговариваясь и время от времени комментируя происходящее на экране.

Там, на фоне башни «Накашима», превратившейся в подобие оплавленной свечи, вела репортаж Мидзухара Кокоми. Кадры выхватывали работу пожарных расчётов и бригад радиоэлектронного подавления спецподразделения «Ро-

дан», устранивающих последствия трагедии.

Картины сменялись одна за другой: изуродованный фасад, чёрный провал разрушенного этажа, раскрошенная мостовая, искорёженные останки штурмового бота.

Затем — короткий фрагмент. Из башни, пошатываясь, выходит Рюдзи, таща на себе раненого спецназовца. Оба выглядят так, будто их пропустили через мясорубку: копоть, кровь, пустые взгляды. Камера ловит момент, когда он передаёт бойца медикам.

В следующий миг Кокоми прорывается сквозь оцепление. Камера дёргается, следуя за ней: репортерша подбегает к Рюдзи, тянет микрофон, что-то спрашивает. Он лишь отмахивается и уходит.

Дверь распахнулась — в отдел вернулись Рюдзи и Рэн.

— Парни, что за хрень там творилась? В новостях сплошная каша.

Мгновенно посыпались вопросы.

Рюдзи тяжело вздохнул и качнул головой — мол, даже не начинайте. Снял помятый пиджак, бросил его на спинку кресла и попытался размять руку, которая всё ещё плохо слушалась.

— Рэн, давай ты, — не отставали коллеги.

Рэн неторопливо прошёл к своему месту, уселся, закинув ноги на стол, достал из ящика мятную конфету и отправил её в рот.

— Ну, значит так... — начал он. — Поступил нам вызов...

В этот момент разговор оборвался. Все мгновенно разошлись по своим местам. В проеме показалась фигура Кагеямы Наото — начальника отдела.

— Коно. Такао. Уже здесь? Хорошо, — прозвучал его сухой голос. — Через минуту ко мне с докладом.

Рэн обречённо вздохнул и бросил на Рюдзи короткий взгляд: *я же говорил.*

Когда они вошли, шеф стоял у окна. Он смотрел вдаль — на утопающий в зелени парк Нисиномару, над которым возвышался старый замок Осаки.

Кагеяме было немного за пятьдесят, но седина и усталость добавляли ему лишние годы.

Руки сцеплены за спиной, рукава закатаны, ворот рубашки расстегнут — достаточно, чтобы понять: только что вернулся с совещания у руководства.

— Рассказывайте, — сказал он, не оборачиваясь.

— Господин Кагеяма, — начал Рюдзи. — Утром поступил вызов: вспышка СПС. Потенциальный «проб» забаррикадировался на верхних этажах жилой высотки «Накашима»...

Кагеяма коротко махнул рукой.

— Это я уже знаю. — Он отошёл от окна и сел в кресло. — Что произошло внутри?

— Подозреваемый, предположительно Микагэ Тосио, пронёс в здание взрывчатку с «пылью». Похоже, готовился к появлению «Родан» с их боевыми куклами.

Кагеяма на секунду задумался.

— «Пыль»... По заявлениям «Гэнрай», последнюю партию наномашин уничтожили несколько лет назад.

— Значит, где-то остались запасы.

— Напекаешь на ЧВК, которые после войны осели в Киото и Кобе?

— Да. И ещё... противник, с которым мы столкнулись вместе с капитаном Муратой Акари, использовал продвинутый камуфляж. Явно военная разработка.

Кагеяма прищурился.

— Противник? Ты про Микагэ Тосио?

— Нет. Там была ещё женщина. Тосио мы не видели. Его тело, скорее всего, среди погибших.

— Шеф, позвольте? — вмешался Рэн. — Я кое-что нашёл. Этот Тосио... он мёртв.

— Это мы уже слышали.

— Нет. Он умер давно. Его айди использовали, чтобы скрыть личность настоящего преступника.

Кагеяма перевёл взгляд на Рюдзи. Тот молча кивнул.

— И система это пропустила?

— Похоже, она не так надежна, как считалось.

— Или кто-то научился её обходить.

Он на мгновение замолчал, затем продолжил:

— Ладно. Что за женщина?

— Лицо скрыто маской. Двигалась очень быстро. Как я уже говорил использовала военный камуфляж — практи-

чески полная невидимость. Использовала вибротермоинструмент. Довольно специфичное оружие.

— Может, кукла?

— Нет. Человек. Я видел ее глаза.

Кагеяма едва заметно кивнул.

— И, как я понимаю, теракт не был конечной целью?

— Да. Она охотилась за китайцем — Лю Чжэньхаем. Отряд капитана Мураты должен был его эвакуировать. Я думал, вы в курсе.

— Мне тоже не всё докладывают. Что с ним?

— Ему отрезали голову. Оставили послание от «Окинавских псов».

— Ясно. Значит радикалы...

— Сомневаюсь. Слишком показательно. И о них давно ничего не слышно.

Кагеяма откинулся в кресле.

— В любом случае, это уже не наше дело. Пусть «Родан» разбирается.

Рюдзи помолчал секунду.

— А что с «пробом»? С этим фальшивым Тосио? Я хотел бы сделать запрос на анализ ДНК.

Кагеяма покачал головой.

— Забудь. Нас к нему больше не подпустят. Из-за смерти этого китайца может разгореться международный скандал. С Поднебесной отношения только начали налаживаться, так что директор Арасэ сделает всё, чтобы как можно

быстрее предъявить виновных. Скорее всего, всё на «Окинавских псов» и свалят.

Он сделал паузу.

— В общем, если обратятся из «Родан» — оказываем содействие. Сами никуда не лезем.

Кагеяма потёр переносицу и быстро набрал что-то на терминале. Взгляд скользнул по экрану, ладонь коротко замелькала в воздухе, листая страницы.

— А если тебе работы мало — вот держи. Из «Кайдзэна» пришёл запрос. Некто Оганэ Того... сейчас...

Он прочитал вслух найденное сообщение:

— «Я, ничтожный крестьянин по имени Гонта, дрожа от страха, смиренно молю о возможности предстать перед тем высоким господином, что сопроводил меня в дом, где впервые я вкусил хлеба и воды с лёгким сердцем».

Рюдзи нахмурился.

— Оганэ Того... знакомое имя.

— Точно! — оживился Рэн. — Богатый старик. Его жена сдала. Он рис у себя в саду сажал!

Рюдзи вспомнил, как пару недель назад забирал этого человека из района, где месячная аренда жилья стоила как его зарплата за несколько лет. Старик тогда смотрел на него так, словно увидел призрака.

— Вот и навестите его, — сказал Кагеяма. — Все свободны.

Рэн вышел первым. Рюдзи задержался.

Кагеяма вопросительно посмотрел на него.

— Что-то ещё, агент Коно?

— Да. По делу об убийстве моих родителей.

Кагеяма тяжело вздохнул.

— Мы это уже обсуждали. Столько времени прошло, а ты все никак не успокоишься.

— В архивах я наткнулся на имя — Иноуэ Гэндзиро. Думал, вы вспомните что-нибудь.

— Нет. Я уже рассказал всё, что знал. Тогда дело забрала служба общественной безопасности. Обвинили каких-то якудза из Канто, а материалы засекретили.

Рюдзи показалось, что Кагеяма что-то недоговаривает, но он не стал продолжать.

— Понятно. Всё равно спасибо.

Он уже был у двери, когда Кагеяма добавил:

— Кстати. Звонил Гэнсэй. Он недоволен, что ты перестал посещать сеансы психотерапии. Сказал, если на неделе не зайдешь подаст рапорт на твоё отстранение от службы.

Рюдзи на секунду задержался, едва заметно вздохнул:

— Постараюсь найти время.

В тот же день, поздним вечером, на шестом этаже жилого дома в районе Кита ветер, пробираясь через приоткрытую балконную дверь, лениво трепал занавеску. Её плавные колебания были единственным, что нарушало безмятежный покой этого места.

Но вот пожарная лестница дрогнула, качнулся поручень. Дверь и ткань сдвинулись — будто их коснулась невидимая рука.

По воздуху прошла рябь, на миг обозначив силуэт. Сверкнула искра — маскировка спала.

Сая вошла внутрь и бесшумно поставила на пол контейнер, из щелей которого тянулся холодный пар. Отстегнула ножны, устало опустилась на фuton, положила виброклинок рядом и принялась снимать боевое облачение. Маска соскользнула и повисла на полосках ткани с вшитыми проводами — те связывали элементы костюма в единое поле невидимости.

Она стянула куртку с композитными вставками. Когда вытаскивала руку, поморщилась — плечо жгло после схватки со стражником.

Броня с тихим шорохом легла рядом. Сая провела ладонью по лицу, коснулась виска. В этот момент поступил вызов через Поток — в голове отозвалась неприятная вибрация: к этой магии она все никак не могла привыкнуть.

«Принять», — ответила она мысленно.

На глазных линзах проступила проекция дополненной реальности. Пространство словно разошлось в стороны, открывая окно в чужую комнату. Полумрак скрывал детали, оставляя лишь контур мужчины в кресле. Лицо утонуло в тени, но голос она узнала сразу — ровный, бесстрастный. И всё же под этой маской спокойствия сквозило раздражение.

— Как всё прошло?

Сая коснулась контейнера. Тот с тихим шипением раскрывлся — изнутри на неё смотрело неподвижное, затаенное инеем лицо.

— Посылка у меня. Жду курьера.

— Что произошло с Уэхарой? Все ленты забиты новостями о «пробе», устроившем теракт.

— Не знаю, о чем ты.

— Не лги. Я чувствую — без тебя не обошлось.

— Ты все равно планировал от него избавиться, — спокойно ответила она.

Сая поднялась и расстегнула ремень. Пальцы нащупали оплавленный аккумулятор, но второй блок питания уцелел.

«Хорошо, что у доспеха есть запасной источник силы. Иначе молния того стража достала бы меня».

В памяти вспыхнули обрывки схватки.

«А он был быстр. И почему его лицо показалось столь знакомым?..»

Она коснулась плеча. Кожа горела, красное пятно тянулось к шее.

— Но не так. — голос по ту сторону вырвал ее из раздумий. — Это может привлечь нездоровое внимание. В этом мире останки человека могут рассказать куда больше чем вырванное силой признание.

— Думаю, там уже нечему говорить.

Сая скинула обувь и штаны, осталась в чёрном спортив-

ном топе. Худое, жилистое тело выдавало бойца, несмотря на внешнюю хрупкость.

Она прошла на кухню и открыла холодильник. Взгляд остановился на контейнере с аккуратными рядами ампул — внутри переливался золотистый раствор. Осталось мало. Слишком мало. Большую часть она истратила на этого ублюдка Уэхару.

«Возможно, хозяин прав. Нужно вернуться в его жилье и проверить, все ли она подчистила. Но сегодня время уже на исходе».

Сая достала одну из ампул, повертела в пальцах, скривилась:

— У меня ихор заканчивается.

— Вы добыли новые образцы из «Кайдзэна»?

— Да. Ичиро уже возвращается.

— Ты тоже будешь нужна. Через неделю жду в «Шинкае».

— Она будет против.

— Её мнение меня не интересует.

Сая замерла, затем коротко хмыкнула:

— Уверен, что это не станет проблемой?

— У неё нет выбора.

Связь оборвалась.

Вздыхнув, девушка приложила золотистую ампулу к шее. Щёлкнула игла, жар в плече отступил, мысли прояснились.

Сбрасывая остатки одежды, Сая направилась в душ. Протезы гулко цокали по полу.

Вода зашумела, мягко ударяясь о плитку. Потоки стекали по волосам, коже, бёдрам — туда, где живое переплеталось с искусственным.

Звуки напоминали дождь и уносили её далеко в прошлое.

Два образа всплыли перед глазами: страж на лестнице... и воин, бредущий по пыльной дороге от деревни к деревне.

На мгновение сердце забилось быстрее, она вздрогнула. Губы скривились.

— Нет... — выдохнула Сая. — Совпадение.

Она мотнула головой. Но лицо не исчезло. Оно всплывало снова и снова, как тень прошлого, что не вытравить как ни старайся.

— Это не он...

Она опустилась на корточки, уткнулась лбом в колени.

Вода струилась безучастная ко всему.

А образ — продолжал маячить перед глазами.

Глава 2

По земле стелился густой туман, пропитанный запахом пороховой гари. Где-то в этой гонимой ветром дымке хлопки мушкетов-тэппо тонули в предсмертных криках воинов, бегущих с поля боя.

Сжав непослушными пальцами горсть земли, он попытался приподняться. Силы покинули тело: его повело в сторону, и он снова рухнул на бок. Лицо уткнулось в мокрую холодную грязь, с привкусом крови и пороха. Голова плыла, затылок разрывался от острой пульсирующей боли. Во рту стоял терпкий железистый привкус.

Игнорируя головокружение, он, опершись на клинок, поднялся на одно колено. На этот раз попытка удалась: самурай, пошатываясь, выпрямился и огляделся.

Его окружала смерть.

Вразнобой лежали древки знамён, мечи, воткнутые в землю, сломанные копья-яри, торчащие из тел павших лошадей и всадников. Но вражеских трупов было немного — всё вокруг говорило о скором, постыдном бегстве.

В голове всплывали обрывки воспоминаний о том, что произошло до того, как он потерял сознание.

Всё началось с поручения господина Наото.

Ему было велено возглавить небольшой отряд и отправиться в Осаку за оружием. Задание он выполнил безупречно.

но: телеги ломились от новых мушкетов, рядом громоздились ящики с порохом и припасами. Можно было возвращаться домой.

Теперь, приходя в себя среди крови и дыма, он осознал свою ошибку. Вместо морского пути он выбрал тракт Накас-эндо — дорогу более долгую, но, как ему тогда казалось, надежную.

Именно этот выбор привёл его сюда — в самую гущу противостояния между Исидой Мицунари и Токугавой Иэясу.

Один из военачальников Исиды заметил на его знаменах родовой герб клана Уэсуги. Этого оказалось достаточно: самураю с его отрядом приказали немедленно влиться в состав западной армии, а всё купленное оружие изъяли.

Мысли вернулись к сражению.

«Почему их так легко разбили? Где были союзники? Почему молчали фланги?»

Они только успели возвести укрепления, только построились, когда на них накатила волна бегущих с поля боя.

Никто не успел ничего понять: раздались выстрелы — и люди вокруг повалились, будто срезанные колосья.

Затем, словно из ниоткуда, возникла конница, окончательно внеся сумятицу в ряды обороняющихся.

Но вражеские всадники пронеслись дальше, а перед ним возникли перекошенные лица пехотинцев, добивавших раненых.

Ему удалось зарубить нескольких, прежде чем раздался

хлопок и что-то с силой ударило его в затылок.

Наступила тьма.

От смерти самурая спас шлем, который теперь валялся у ног.

Он ощупал голову. Боль, едва стихшая, вспыхнула с новой силой. На руке остались пятна крови, но отчего-то они казались черными. Не только кровь: весь мир вокруг лишился цвета. Остались только чёрный и белый.

Из-за спины послышался крик:

— Рентаро! Рентаро! Ты жив?! Бежим, нужно скорее укрыться! Мы проиграли!

Самурай обернулся: к нему бежал его помощник и верный спутник — Дзитаро.

Остановившись напротив самурая, он согнулся, уперев руки в бока, и, тяжело дыша, повторил.

— Бежим! Мы проиграли!

— Как проиграли? — выдавил из себя Рентаро.

— Войска... войска Хидэаки... — начал Дзитаро, но договорить не успел.

Из подлеска вылетел всадник со знаменем Кобаякавы Хидэаки — одного из союзников Исиды.

Пришпорив коня, он мчался прямо к ним.

Рентаро уже решил, что это помощь, но всадник, подняв короткое копье, на полном скаку вонзил его Дзитаро в спину.

Тот рухнул на Рентаро, сбив его с ног.

Оба скатились в оборонительный ров, смешавшись с

мертвыми телами.

Тьма вновь накрыла его.

Очнулся он оттого, что кто-то грубо, с отчаянной злостью толкал его. Чужие руки теребили кирасу, дергали за плечо, пытались сдвинуть с места. Через мгновение возня прекратилась, и до самурая донесся тихий звук удаляющихся шагов.

С трудом разлепив глаза, Рентаро ощутил ледяную панику: он ничего не видел. Темнота бесповоротно поглотила мир. В застывшем оцепенении в голову проникла предательская мысль: *я окончательно ослеп?*

Сбоку послышалось шуршание, перешедшее в глухой стук — металл бился о металл, будто кто-то скидывал части доспехов в одну кучу.

Одну мысль сменила другая, ещё более тревожная: наверняка поле битвы уже кишит разбойниками и мародерами, что слетелись со всех окрестных лесов, словно вороны на падаль.

Остаться здесь было безумием. Он ясно понимал: следующая рука, что потянется к нему, может сжимать нож или дубину. И погибнуть сейчас — от удара грязного бродяги — было бы куда постыднее, чем пасть в бою.

Незнакомец вернулся: снова коснулся его плеча, теперь настойчивее, будто пытаясь понять — жив ли он. Рентаро замер, не решаясь даже вздохнуть.

В грудь упёрлась маленькая ладонь, раздалось приглушенное пыхтение. Где-то внизу резкий скрежет пронзил слух — похоже, грабитель пытался достать меч, придавленный телом самурая. Наконец ему это удалось, и, судя по звуку, клинок полетел к остальному награбленному добру.

Но на этом вор не успокоился. Он продолжил шарить по складкам одежды: пальцы ощупывали ремни доспеха, проверяли пояс, лезли в потайные карманы в поисках кошель или спрятанных ценностей.

Наконец ловкие пальцы добрались до шеи, нащупали шнурок, на котором висела позолоченная сэппа — память об отцовском мече. По коже скользнуло холодное лезвие, самурай почувствовал рывок — и дорогая сердцу вещь исчезла в руках проходимца.

Рентаро не выдержал: перехватил руку, сжимающую нож, потянул её в сторону и прижал к земле. Затем рывком поднялся, упершись ладонью в грудь противника — и неожиданно ощутил под пальцами нечто мягкое и тёплое.

Он понял, что сжимает женскую грудь.

Послышался удивлённый возглас, и тут же самурай получил удар ступней в лицо. От неожиданности он откинулся назад, и едва успел увернуться от ножа, вонзившегося в землю там, где секунду назад было его горло.

Он вскочил.

Луна, вынырнув из-за туч, озарила бледным светом поле битвы.

Зрение вернулось. Облегчение накатило волной. Подняв взгляд, он увидел перед собой невысокую чумазую девчонку в потрёпанном кимоно. Ни испуга, ни замешательства в её глазах. Она стояла, пригнувшись, словно дикая кошка, сжимая в руке нож, и, казалось, выжидала момент для удара.

Наконец она решилась. Рванулась вперёд, обхватив рукоять обеими руками. Рентаро отскочил, лезвие чиркнуло по пластинам нагрудной брони. Он метнулся за ней, но она вывернулась и вновь отступила, готовясь к следующему броску. Самурай лихорадочно искал глазами хоть какое оружие, но всё оно лежало за спиной девушки.

И тут его нога наткнулась на сломанное древко знамени. Он припал на колено, поднял его и в последний момент отбил очередной выпад. Нападавшая, не удержав равновесия, пронеслась мимо. Не теряя ни секунды, Рентаро перехватил древко обеими руками и со всей силы ударил девушку по голове.

До его слуха донёсся то ли тихий писк, то ли всхлип.

Девушка обмякла и рухнула на влажную землю.

Стало тихо.

Тяжело дыша, ощущая, как кровь стучит в висках, самурай подошёл к поверженному телу.

Она лежала, раскинув руки. На голове зияла рана, глаза были закрыты.

«Прибил ненароком?» — подумал он, подбирая украденную сэппу.

Затем приложил ухо к груди девушки — сердце билось. Поднёс ладонь к её рту и ощутил тёплое дыхание. Жива.

Свет луны позволил разглядеть её лицо — худое, испачканное грязью и сажей. Влажные тёмные волосы раскинулись по земле. Молодая, навскидку — не больше двадцати лет. Кимоно — явно краденое — было ей велико. Изношенное, местами разорванное, но под пальцами всё ещё ощущался дорогой шёлк.

И всё же, несмотря на её вид, в девушке было нечто, что внезапно вызвало у Рентаро симпатию.

Он подошёл к куче награбленного, которую успела натаскать воровка, нашёл свой меч. Рядом лежали ножны-сая. Он убрал клинок. Там же обнаружил моток верёвки и вернулся к девушке.

Грубо связав ей запястья и лодыжки, он осмотрелся. Ров, где они находились, напоминал братскую могилу: вповалку лежали безжизненные, искалеченные тела самураев и простых воинов. Рентаро некоторое время просто молча стоял мысленно прощаясь с Дзитаро и своими товарищами, что пали ради чужих идеалов.

Вдали прокричал одинокий ворон.

Жар схватки схлынул, и вновь вернулась тупая, колющая боль в голове. Мир покачнулся, но он устоял.

Он посмотрел на девушку, поднял её и перекинул на край рва, удивившись, насколько она лёгкая. Затем выбрался сам. Закинув её на плечо, спотыкаясь о тела и скользя по влаж-

ной, пропитанной кровью земле, он направился к ближайшей роще.

Убедившись, что деревья надёжно укрывают их от посторонних глаз, Рентаро сбросил девушку на землю. Она чуть слышно застонала, когда самурай попытался осмотреть рану на её голове, но всё оказалось не так уж страшно. Древко лишь рассекло кожу — крови было много, но череп цел.

Оторвав кусок ткани от кимоно, Рентаро неуклюже перевязал рану. Затем сел рядом, в тени старого клена. Положил на колени меч и закрыл глаза, прислушиваясь к ночи.

Шелестела листва. Где-то совсем близко скрипуче прокричала птица. Было темно, но в памяти всё ещё плясали всполохи выстрелов и раскрытые от ужаса глаза Дзитаро — в тот миг, когда его пронзило вражеское копьё.

«Утром надо будет решить, что делать дальше. Нужно возвращаться домой. Здесь у него больше ничего не осталось».

Погружённый в эти мысли, самурай сидел, опершись спиной о ствол дерева.

Бледный диск луны исчез за завесой туч. Лес шумел — тихо, безучастно, будто не замечая трагедии, разыгравшейся на равнине неподалеку.

Утро было промозглым. Ветер, потряхивая ветви деревьев, швырял на лицо Рентаро редкие капли дождя. Вскоре он усилился: небо окончательно затянуло тучами, грянул гром — и хлынул ливень.

Холод и сырость разбудили самурая. Он резко поднялся, охваченный внезапной тревогой. Осознание того, что он уснул и тем самым подверг себя опасности в таком месте, отозвалось тяжёлой пульсацией в груди — сердце забилося чаще.

Он обнажил меч и настороженно осмотрелся. Вокруг ощущалась неправильная пустота, а у соседнего дерева валялась перезанная верёвка.

«Та воровка...» — в памяти всплыли события вчерашнего дня, закончившегося ночной стычкой.

Он понял: пленница сбежала.

— Тупица... — прошипел он сквозь зубы. — Рентаро, pozor на твою голову.

Она могла убить его. Спокойно. Тихо. Без малейшего сопротивления. Просто перерезать горло — и всё.

— Ну сбежала... и ладно, — немного поразмыслив, успокоил он себя. — Не будет мне обузой.

Он ещё раз внимательно огляделся, опасаясь внезапного нападения, затем прислонил меч к стволу дерева и, укрывшись под кроной от разбушевавшейся непогоды, справил нужду. Живот предательски заурчал.

«Эх, был бы лук — можно было бы подстрелить зайца или перепёлку».

Он скептически взглянул на свой меч. Затем, натянув портки, присел и поднял остатки верёвки, которой была связана пленница.

«Нет, не годится. Тетиву из этого уже не смастерить.»

С лёгкой досадой он отбросил их в сторону и бессильно опустил голову.

Вскоре дождь закончился. Выглянуло солнце, и белый луч скользнул по броне самурая, напитывая её теплом.

«Белое солнце, серый лес, чёрная ночь... Что-то со мной не так? После ранения мир в моих глазах потерял краски?»

Он боязливо потрогал запекшуюся корку крови на затылке — и тут же скривился от боли.

«По пути в родное имение в Каваяме нужно заглянуть в храм богини Каннон к старику Кэйсину, что разбирается в травах и молитвах».

подавив урчание в животе, он медленно поднялся. На миг замер, вглядываясь в лес и прислушиваясь к тишине.

Убрав меч за пояс, самурай осторожно, стараясь не шуметь, двинулся вдоль опушки — туда, где в утреннем тумане скрывалась дорога на северо-восток, к землям Синано.

Несколько раз он едва не попался на глаза разъездным патрулям, но каким-то чудом всегда оставался незамеченным.

Однажды особенно бдительный дозорный, заметив колыхнувшуюся ветку, спешил и направился напрямик в его сторону. Рентаро, распластавшись в высокой траве, затаил дыхание, стараясь слиться с землёй. Стебли противно щекотали ноздри, вызывая мучительное желание чихнуть.

Краем глаза он заметил пару ног в плетеных сандалиях, остановившихся в паре шагов от его укрытия. Мгновение — и его охватило дикое, безрассудное желание вскочить, зарубить врага и попытаться сбежать. Но шансов не было: у противников были луки — его попросту подстрелят.

В этот миг неподалёку вновь колыхнулась ветка, и из кустов выскочил заяц. Серая молния метнулась в сторону поля — и тут же возгласы всадников разорвали тишину. Они закричали, натянули тетивы и, пришпорив лошадей, помчались вдогонку.

Дозорный, приблизившийся уже вплотную к Рентаро, крикнул товарищам, чтобы те подождали его, и, неуклюже переваливаясь, побежал к своей лошади.

Ближе к вечеру Рентаро вышел к одному из многочисленных ручьёв, берущих начало у горы Ибуки. Жадно припав к воде, он вдоволь напился — и это, пусть ненадолго, но приглушило терзавший его голод.

«Нужно найти укрытие на ночь... пещеру или яму на худой конец», — только успел подумать он, как поднял голову и не поверил глазам. Будда, казалось, услышал его мольбы: неподалёку, среди деревьев, скрывалась одинокая хижина.

Самурай прокрался к ней вплотную.

Хижина совсем не напоминала временное убежище охотников или угольщиков: стены были сложены из добротных брёвен, обмазанных глиной, крыша — крыта соломой. Да и заброшенной она не выглядела: недалеко от входа он заме-

тил кострище, аккуратно обложено камнями.

Рентаро затаил дыхание и прислушался. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы.

Он осторожно сдвинул тряпку, прикрывавшую окно, и заглянул внутрь.

Глаза не сразу привыкли к полумраку, но вскоре он различил нехитрое убранство: несколько циновок, пара мешков в углу и очаг — углубление в полу посреди комнаты, над которым висел закопченный котел.

Поняв, что хозяев, кем бы они ни были, сейчас нет, он вошёл через дверь и прикрыл её. Внутри пахло копчёной рыбой и старым, напитанным влагой деревом. Он поднял голову — у одной из балок, прямо над очагом, висели распластанные карпы, источавшие такой аромат, что слюна мгновенно наполнила рот.

Он снял одну рыбину и, не раздумывая, впился зубами в сухую плоть. Кое-как насытившись, самурай продолжил осмотр. В мешках он обнаружил вяленое мясо и сушёные рисовые лепёшки. Всё это настораживало. Выглядело так, будто хозяин жилища может вернуться в любой момент.

«Но не ночевать же под открытым небом. Если повезёт — он позволит мне остаться. А если нет... что ж, поищу другое место».

Так размышляя, Рентаро заметил деревянную лестницу, ведущую на небольшой настил под крышей. Ступени заскрипели под его весом, но выдержали. Он ловко поднялся — и

замер.

Под низкими балками, в клубящейся пыли, лежали сваленные в кучу оружие и части брони: копья, мечи, кинжалы — всё вперемешку. На некоторых лезвиях виднелись пятна.

Среди прочего выделялся шлем кавари-кабуто с дорогой отделкой. Им явно владел знатный самурай. Украшение на шлеме было погнуто, но лак и металл сохранились — всё это подчеркивало немалую стоимость вещи.

Там же, чуть в стороне, лежала пара холщовых свёртков. Один скрывал под несколькими слоями промасленной ткани тяжёлый стальной слиток. Свет скользнул по нему, выхватив необычные узоры, напоминающие водную рябь. Рентаро повертел находку в руках и, недолго думая, отложил в сторону.

Второй свёрток оказался куда интереснее. Внутри обнаружилась лакированная шкатулка с потертыми углами. Осторожно приоткрыв крышку, он увидел шёлковый мешочек, набитый монетами, тонкий гребень из слоновой кости и пару изящных заколок, украшенных жемчугом.

Самурай понял: это было логово разбойников — здесь они хранили награбленное.

Будто вторя его мыслям, снаружи раздался топот копыт. Рентаро прильнул одним глазом к щели между досками и увидел, как к хижине подъехали пятеро всадников. Все были вооружены, а лошади навьючены объёмистыми мешками — видимо, добычей с очередной вылазки.

Поклажа у одного отличалась от остальных: поперёк сед-

ла свисало человеческое тело. Самурай пригляделся — женщина. Длинные чёрные волосы падали на лицо, руки были туго стянуты за спиной.

Всадники спешили и, громко смеясь, принялись обсуждать добычу и дальнейшие планы.

— Это ты, Дандзиро, хорошо придумал, — начал один, разгружая лошадей. — Пересидели битву, добром разжились — и головы целы, и не с пустыми руками вернёмся по домам.

— А что ещё было делать? Не подыхать же вместе с Ёсичугу, — фыркнул другой.

— Да жаль нашего Кикуги, — продолжал третий. — Он то все мечтал взять голову Токугавы и получить в награду надел, и ежегодное жалование не меньше чем двести коку риса.

— Рано вы радуетесь, — отозвался тот, кто возился у коистра. — Торговец, что обещал всё скупить, куда-то пропал. Небось, твоей рожи испугался, Гэнносукэ.

Все рассмеялись и обернулись к головорезу, который пытался стащить с лошади брыкающуюся женщину. Лицо Гэнносукэ рассекал застарелый шрам, будто разделявший его пополам, отчего оно напоминало треснувшую маску.

Наконец бандит совладал с добычей. Грубо перекинув её через плечо, он направился к хижине. На мгновение волосы разошлись, и Рентаро узнал в женщине ночную воровку с поля боя.

— Эй, Гэнносукэ, ты особо не усердствуй! Оставь и нам!
— донеслось от костра. — И, прежде чем начнёшь, принеси котелок!

Гэнносукэ фыркнул, рывком открыл дверь и, войдя, бросил девушку на циновку. Затем сорвал с крюка котелок и на время исчез из поля зрения Рентаро.

Самурай наблюдал из укрытия за извивающейся пленницей, лихорадочно соображая, что делать.

«Можно наброситься сверху, когда он вернётся... но в тесноте длинный меч станет помехой».

Он скользнул взглядом по груде оружия. Внизу виднелся кинжал в потрепанных ножнах. Рентаро аккуратно потянул его на себя — но куча предательски звякнула. Замерев, он ощутил на себе чей-то взгляд.

Пленница смотрела прямо на него, прищурившись. Странно: в её глазах не было ни страха, ни мольбы о помощи.

Гэнносукэ вернулся, захлопнув за собой дверь. Достал нож и разрезал верёвки на лодыжках своей жертвы, после чего, сопя, начал развязывать штаны. Затем навалился на неё своим телом. Она извивалась, била ногами, мотала головой, пытаясь укусить его.

«Сейчас», — подумал Рентаро.

Спрыгнув, он схватил насильника за волосы, резко дёрнул голову назад и быстрым движением перерезал ему горло.

Кровь брызнула на лицо девушки, но она даже не вскрикнула — только отвернулась. Рентаро оттолкнул мёртвое тело

в сторону и, крепче сжав кинжал, метнулся ко входу.

Сквозь слегка приоткрытую дверь он стал наблюдать за остальными. Судя по обрывкам разговора, это были не просто разбойники, а ронины — самураи, потерявшие своего господина. Псы, отказавшиеся присягнуть новому хозяину и постыдно оставившие поле битвы ещё до её начала. Теперь они обирали трупы тех, с кем сутки назад должны были стоять плечом к плечу.

Они сидели у костра, напиваясь рисовой водкой. Никто не обратил внимания на шум в доме.

Рентаро выдохнул и обернулся к девушке. Та уже где-то нашла нож и, зажав его между коленей, ловко перерезала путы на запястьях. Затем резко вскочила и попыталась улизнуть через окно.

— Ну и далеко ты ускачешь, босая, с одним ножом? — тихо окликнул её самурай.

Девушка замерла, медленно обернулась, будто раздумывая.

— Ты лучше о себе подумай, — прошептала она с насмешкой. — Самурай в броне клана Уэсуги... Тебя первый же разъездной патруль на копыа поднимет.

— Ты на удивление хорошо разбираешься в родовых знаках — для обычной воровки, — насторожился Рентаро. Эта девушка явно была не так проста, как казалась.

— Я не воровка.

— Ночью всё выглядело иначе.

— Для самурая ты слишком болтлив.

Внезапно она оказалась рядом — так близко, что он ощутил её дыхание. Лицо и кимоно девушки были вымазаны в крови Гэнносукэ, но это его не отталкивало. Скорее ему хотелось проявить заботу, умыть и найти ей чистую одежду.

Потеснив Рентаро она заняла его место и посмотрела на улицу.

— Они выпили много сакэ. Докажи, что ты горазд не только языком трепать и бить беззащитных женщин, — раздался ехидный шёпот. — Убей их, и мы сможем переждать здесь ночь. Один уже встал и идёт сюда. Это Сигэхару, их главарь. Видимо, тоже захотел молодого тела.

— Что-то Гэнносукэ пропал с этой девкой... Пойду потороплю его, — донеслось снаружи.

Девушка снова бросилась к окну. Рентаро же затаился у входа.

Дверь скрипнула. Сигэхару застыл на пороге, выпучив глаза, попеременно переводя взгляд с мёртвого тела Гэнносукэ на девушку, вымазанную в крови и с ножом в руке. Рентаро, спрятавшегося за дверью, он не заметил.

Главарь что-то нечленораздельно замычал и выхватил меч. То ли он был уже в изрядном подпитии, то ли просто невысокого ума, но клинок, покинувший ножны слишком резко, чиркнул о низкую балку над косяком и ушёл в сторону. Сигэхару от неожиданности покачнулся.

Рентаро не стал упускать шанс — кинжал в его руках на-

стиг цель. Меч со звоном выпал из руки разбойника, следом рухнуло и его тело.

На улице кто-то заметил суматоху в хижине. Раздались голоса — сначала насмешливые, но постепенно в них появился оттенок тревоги:

— Эй, Сигэхару, что там у вас?

— Вдвоём с одной девкой совладать не можете?

— Кажется, я видел, как он упал.

«Главное — не дать им опомниться», — мелькнула мысль в голове Рентаро.

Он выбежал на улицу, обнажил меч и, громко крича, ринулся на бандитов. Те на миг растерялись. Один от неожиданности выронил кувшин с сакэ — тот разбился, и жидкость пролилась на костёр. В воздух взметнулись пепел и белый дым.

В этом внезапном хаосе Рентаро мгновенно зарубил двоих. Третий довольно быстро опомнился: твёрдо стоя на ногах, он достал клинок и принял боевую стойку. Но нападать не спешил — медленно начал обходить самурая по кругу.

— Слушай, зачем нам драться? Нас двое. Поделим добычу? — бросил он.

— Ничего другого я и не ожидал услышать от трусливого пса. Ни чести, ни имени — только страх и жажда наживы! — ответил самурай, но в ту же секунду его руки содрогнулись, отражая череду сильных выпадов.

Начался молчаливый, смертельный танец. Рентаро яв-

но превосходил противника в мастерстве, но тот был выше, массивнее и сильнее. Каждый удар его меча напоминал удар молота по наковальне. Звон клинков, будто дьявольская песнь, разносился по вечернему лесу.

Вскоре силы начали покидать Рентаро. Он отразил очередной безумный выпад, но ошибся — и лишь вовремя выставленная левая рука с кинжалом спасла его. Лезвие не выдержало, треснуло и, отлетев, исчезло в траве. Рентаро отшатнулся, споткнулся о корягу и уже попрощался с жизнью, наблюдая, как чужой клинок устремился к его шее.

Внезапно с глухим шлепком в горло разбойника впилась стрела. Он замер, вытянулся, будто пронзённый молнией, попытался захрипеть, но смог издать лишь булькающие звуки. Затем его глаза закатились, и он завалился лицом вперёд.

Рентаро повернул голову. Возле одной из лошадей стояла его новая знакомая — имени её он пока не знал. Девушка твёрдо и сосредоточенно сжимала лук, мгновение назад спасший ему жизнь.

Самурай посмотрел на серое небо. Там, в вышине, над лесом, тонко курлыкая, пролетел клин гусей. Осень вступала в свои права.

Тяжело дыша, Рентаро подошёл к девушке, для которой, казалось, не существовало ни страха, ни усталости. Она уже по-деловому шарила в мешках с добром.

Услышав шаги, она произнесла, не поворачивая головы: — Теперь ни я тебе, ни ты мне — ничего не должны. Пе-

реночуем здесь. Утром каждый пойдёт своей дорогой.

Он взглянул на неё. Слова прозвучали сами — искренне: — Назови хотя бы имя. Чтобы я знал, кого благодарить за спасение.

— Сая, — коротко бросила она, выкидывая из мешка какие-то тряпки. Затем коротко усмехнулась. — Надеюсь, за предложение поделить добро пополам ты меня не зарубишь?

Рентаро в ответ только покачал головой.

Наконец Сая нашла более-менее подходящие по размеру штаны и рубаху и отложила их в сторону. Иронично смерив Рентаро взглядом, она добавила:

— Тебе бы тоже переодеться во что-то менее приметное. А то и правда — на первой же заставе голову снесут.

— Ты права. — кивнул он — Только сначала позабочусь о мертвецах, пока они не привлекли зверье.

Девушка молча наблюдала, как он волоком вытаскивает из хижины тела Гэнносукэ и Сигэхару и укладывает их рядом с остальными.

Она пыталась понять, для чего судьба опять свела её с этим человеком. В глубине души она была благодарна ему за спасение, но вместе с тем знала: когда разбойники, наигравшись с ней, наконец уснули бы, она бы сделала всё, чтобы утром никто из них не проснулся.

Мысль о том, что теперь она кому-то должна, мучила её, была неприятна. Она ещё некоторое время наблюдала за самураем, который, крихтя и шатаясь, таскал тела. Когда он

в очередной раз скрылся в чаще леса, девушка поднялась и направилась к речке неподалёку, чтобы наконец смыть с себя грязь и кровь.

Тела разбойников, казалось, весили как несколько мешков риса.

Заваливая камнями последнего, Рентаро понял, что сил почти не осталось. Его замутило, в ушах раздался предательский звон. Опершись о ствол дерева, он согнулся в судорогах — желудок исторг скудные остатки еды.

«Ещё мгновение — и я составлю компанию этим мертвецам,» — подумал он.

Немного придя в себя и отдышавшись, самурай заставил себя вернуться в хижину.

С порога он почувствовал запах еды. Сая сидела у очага, что-то помешивая в котелке. Аромат мяса, приправленного травами, пробудил в Рентаро аппетит, несмотря на слабость.

Девушка уже умылась и переоделась. Волосы свернула в пучок на затылке. Из одежды на ней были мужская рубаша и штаны. В таком виде она больше напоминала юношу и вполне могла сойти за слугу или оруженосца.

Рентаро устало опустился рядом. Наполнил миску, потянулся было к кувшину — но замер, насторожившись.

— Не переживай, — произнесла она, подкидывая в очаг пару веточек. — Это вода. Из ручья. Всё равно сакэ у них было дрянное.

Когда они закончили есть, за окном уже взошла луна.

Сая, сидя поодаль, с явным удовольствием перебирала сокровища, найденные в лакированной шкатулке. Одна из заколок и костяной гребень тут же переключались в её волосы. Затем она взглянула на Рентаро с лёгким недоверием, закрыла крышку и отодвинула шкатулку в сторону.

Её движения были плавными, почти завораживающими.

Самурая охватила слабость. Он завалился прямо на циновку, где сидел. Глаза закрылись сами собой и он провалился в сон.

На следующий день у Рентаро начался жар.

Тело ломало, не было сил даже подняться, чтобы сходить по нужде. В горле пересохло. Любое движение отзывалось тупой болью и головокружением.

Сквозь мутную пелену он увидел фигуру Суэ. Она обула сандалии, затянула потуже пояс, убрав за него пару кинжалов. С порога бросила на него прощальный взгляд. Сделала шаг наружу. Остановилась, будто о чём-то задумавшись. Затем обречённо вздохнула и вернулась.

Присела рядом.

— И откуда ты такой мне на голову свалился, — тихо произнесла она.

Девушка распоясалась, достала из-за пазухи мешочек с какими-то травами, развела огонь и принялась перетирать их в ладонях, бросая в котелок.

Снаружи шумел лес, фыркали лошади.

На мгновение небо прорезал крик гусей — глухой, дальний, будто напоминание о бесконечном движении жизни.

Глава 3

Я застыла перед входом в клуб. На мгновение показалось, что у меня отнялись ноги.

Случайный прохожий, увидев меня в таком состоянии, решил бы, что ещё одна дурочка поставила дешёвые шасси с чёрного рынка и теперь зависла посреди улицы, дожидаясь механика из городской техслужбы — из тех, кто чинит всё подряд и не задаёт лишних вопросов. Главное — плати.

Но причина была в другом. Я просто боялась войти и посмотреть в глаза Гинтаро — хозяину клуба. Пару дней назад я серьёзно облажалась.

Мы как раз отыграли программу. Очередной фестиваль с кучей групп, ничего особенного — но среди зрителей впервые были представители крупных музыкальных лейблов. Нас могли заметить. И заметили.

А потом всё пошло наперекосяк.

Когда отгремел последний аккорд и мы — потные, выжатые, но довольные — спустились со сцены, к нам подошёл презентабельный мужчина. Вручил визитку и пригласил на прослушивание.

Мы сначала даже не поняли, что происходит. На визитке значился продюсерский центр, который работал с самой MAKINA.

Юджи на радостях тут же потащил нас в подсобку. Там он

откуда-то вытащил бутылку с красно-белой этикеткой и, как ни в чём не бывало, предложил отметить первый шаг в мир большого шоу-бизнеса.

— Это... это что? — Акира взял бутылку и начал вертеть её в руках. — Су... тори... чиная... — с трудом выговорил он, щурясь на этикетку.

— Водка. Настоящая, — с гордостью ответил Юдзи. — Тётка из Владивостока прислала.

— Я слышал, беженцам там выдают паёк — чёрный, как уголь, хлеб и вот такую бутылку водки, — заявил Акира с видом эксперта.

— Ты почаще стримы этого JPN_Liberty27 смотри — ещё не такое услышишь, — фыркнул Юдзи. — Ну так что? Кто со мной? Девчонки?

Я махнула рукой, соглашаясь. Хина отказалась.

— Простите, ребят, я очень извиняюсь, — сказала она, густо краснея, — но меня ждут.

Юдзи сразу сник. Хина ему нравилась. Но после пары неуклюжих попыток подкатить она прямо сказала, что отношения внутри группы ни к чему хорошему не приведут, и он отступил.

А в последнее время за Хиной начал ухаживать какой-то мужчина — встречал ее после выступлений. Ни мне, ни Юдзи он не нравился: в нём чувствовалось что-то чужое, неправильное.

Когда у двери она на секунду обернулась, поправила очки

и жизнерадостно помахала нам, внутри кольнуло нехорошее предчувствие. Но стакан с прозрачной жидкостью, который Акира поставил передо мной, быстро вытеснил все остальное.

Я раньше никогда не пила алкоголь, но в тот момент мне показалось, что мы совершаем какой-то ритуал, отмечая пусть небольшую, но важную победу.

Последнее, что осталось в памяти — звон стаканов и наши выкрики «Кампай». Дальнейшие события той ночи, как и последующие несколько дней, превратились в темное пятно.

В себя я пришла только сегодня утром — и первым делом прокляла всё на свете. В общем чате нашей группы, помимо сообщений от Акиры и Юдзи с вопросами о моём самочувствии, были и видео: на них я, стоя на сцене, толкаю какие-то идеологические лозунги — о том, что наши души давно принадлежат корпорациям, что мы больше не хозяева своих тел, а Поток — всего лишь удобная среда для манипуляции обществом.

Но это были ещё цветочки. Когда Гинтаро с ребятами потащили меня в туалет, чтобы привести в чувство, по дороге я умудрилась наблестать на того самого продюсера, который пригласил нас на прослушивание.

И вот теперь, стоя перед входом, над которым висел стилизованный крест с названием клуба, я снова и снова прокручивала в голове, как буду оправдываться перед Гинтаро и ребятами.

Наконец, собравшись с силами, глубоко вдохнула и шагнула внутрь — под вывеску «Вижн».

Внутри царил полумрак, пахло остатками алкоголя, по-та и сигаретного дыма. Миновав небольшой холл с кассой и гардеробом, я вышла в концертный зал человек на двести. В глубине возвышалась сцена, вдоль правой стены тянулась барная стойка.

За ней сидел Гинтаро.

Пока боты-доставщики таскали в подсобку кеги с пивом, он делал пометки в бумажном блокноте. На носу у него сидели маленькие круглые очки — странная деталь, выбивавшаяся из остального образа.

Плотный, коренастый, в гавайской рубашке с коротким рукавом — из-под ткани выглядывали чёрные бионические протезы. Шеи будто не было вовсе, а голова выглядела так, словно ей всю жизнь крошили бетонные плиты на соревнованиях по карате.

Он заметил меня и оторвавшись от записей, поманил пальцем.

— Тебя вчера не было. Мы с Акирой тут зашивались. Я же предупреждал про стрим-марафон айдолов.

Я ожидала чего угодно, только не выговора за прогул — и от этого сразу стало легче.

— Гинтаро... извини.

Он перегнулся через стойку, достал две бутылки газиров-

ки и щелчком большого пальца отправил крышки в ведёрко для чаевых. Одну протянул мне.

— Что мне твоё «извини»? — голос оставался суровым, но в нём проскользнули нотки беспокойства. — Завтра двойную смену отработаешь.

— Отработаю. Обязательно. — Я взяла бутылку и опустила взгляд. — Но... я хотела извиниться за своё поведение. Не знаю, что на меня нашло. Больше такого не повторится.

— Ты про что?

— Я же испортила фестиваль. И те люди из звукозаписывающих компаний... они ведь твои знакомые? Что они теперь подумают?

— А, ты про своё дефиле на сцене? — он вдруг усмехнулся. — Хоть как-то разбавила этот приторный инди-вечер.

Наклонившись вперёд, добавил:

— Только больше так на выпивку не налегай. Мозг — единственное, что пока не научились менять.

— То есть ты не злишься? — я сделала глоток. Холодная газировка обожгла горло.

— Ещё как злюсь. На то, что ты пропала, не отвечала на звонки и сообщения и оставила нас с Акирой разбираться с этим балаганом из фанатов со светящимися палками.

Он слез со стула и поправил завалившегося на бок бота.

— Кстати, вчера заходил господин Эйити.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Тот самый, чей костюм за миллион йен ты украсила

содержимым своего желудка.

Щёки снова запылали.

— И... что он сказал?

— Напомнил, что в эту пятницу у вас прослушивание в «Mirai Records». Просил не опаздывать. И ещё интересовался, всё ли с тобой в порядке.

Я выдохнула. Похоже, всё обошлось.

Допив газировку, я уже собиралась идти переодеваться, когда заметила, что Гинтаро внимательно смотрит на телевизионную панель между стойками с алкоголем. На экране милостивая женщина с трагическим выражением лица вела репортаж на фоне изуродованной высоты.

Гинтаро прибавил звук.

— *«По предварительным данным, в результате взрыва в жилом комплексе „Накашима“ погибли четырнадцать человек. Департамент безопасности пока не даёт комментариев...»*

— Хм... Похоже на «пыль», — пробормотал он.

— Пыль?

— Наномашины. Еще мы называли их «кровь Кагуцути». Разработка корпов с Кюсю. Весьма эффективное средство против мехов, дронов и боевых кукол.

Он кивнул в сторону экрана:

— Видишь? Потёки на фасаде будто свечной воск. Попадёт такая пылинка на меха — и всё. Не остановится, пока не сожрёт целиком. И при этом разогревается так, что плавит

всё вокруг.

Он резко тряхнул головой, поморщился и жадно приложился к газировке, словно пытался заглушить всплывшие воспоминания.

Картинка сменилась: теперь репортаж шёл из пресс-центра. На фоне эмблемы в виде стилизованного феникса появился мужчина в синей форме. В зале поднялся шум:

— «Господин Арасэ, это была террористическая атака?»

— «Откуда у них „пыль“?»

— «Кто из радикальных групп взял на себя ответственность?»

— Радикальные группы... ну да, — усмехнулся Гинтаро и выключил звук.

Повернувшись ко мне, добавил:

— Мне сейчас надо отойти. Сегодня, похоже, затишье. Да и доставок больше не будет. — Он бросил взгляд в сторону служебного выхода, где скрылся последний бот. — Приберитесь тут с Акирой. Потом сцена ваша.

Через минуту он ушёл.

Я окинула взглядом предстоящий фронт работ. Все было не так уж и плохо. После выступлений айдолов мусора всегда оставалось куда меньше, чем после рок-конcertов, когда приходилось чуть ли не вручную отскрести с пола жвачку, собирать битое стекло и затирать остатки содержимого чьих-то желудков.

Выпустив из подсобки бота-уборщика, напоминающего то

ли огромный мусорный бак, то ли вечно пищащего дроида из старой кинофантастики, я занялась барной стойкой.

Закончив с протиркой столешницы, обернулась к стеллажам с алкоголем, собираясь провести аудит — и замерла, уставившись в экран.

Репортаж о взрыве в центре города всё ещё продолжался, но теперь четверть экрана занимала фотография мужчины. Я узнала его. Именно с ним встречалась Хина. И именно с ним она ушла позавчера после концерта.

Я сразу включила звук. Камера выхватила сотрудницу Департамента безопасности, которая ровным голосом делала заявление:

— ...личность подозреваемого. По предварительным данным им является гражданин Осаки Микагэ Тосио. Просим всех, кто располагает какой-либо информацией об этом человеке, незамедлительно обратиться в Департамент безопасности.

Сомнений не осталось. Это точно был он. Тот самый взгляд — как у дохлой рыбы.

Я попыталась связаться с Хиной. После нескольких секунд ожидания высветилось то, чего я боялась: абонент вне Потока. Я сразу отправила сообщение, но и оно зависло, мигая серой иконкой.

Скинув фартук, я схватила с вешалки джинсовку и рванула к выходу. В дверях нос к носу столкнулась с Акирой.

— Эй, ты куда? — удивился он.

— Домой к Хине. Думаю, она в беде.

— Может, мне с тобой?

— Не нужно. Гинтаро просил присмотреть тут, пока его нет.

— Хорошо. Позвони, как будут новости.

Он проводил меня взглядом, поправил кофр с гитарой и исчез в глубине клуба.

Хины дома не оказалось. Соседка призналась, что не видела её уже несколько дней. Сама она явно была на взводе — из квартиры моей подруги без умолку доносилось мяуканье. Хина всегда питала слабость к кошкам и недавно завела одну.

Ждать под дверью было бессмысленно. Я оставила соседке и домовладельцу свои контакты на случай, если Хина объявится, и направилась в Департамент безопасности.

Несколько минут в подземке — и я уже у парка Нисинмару. Напротив, разделенные широким рвом, возвышались две цитадели: замок Осаки с его изящными, словно невесомыми крышами — и холодная многоэтажная громада Департамента из стекла и бетона.

Самурайское наследие и олицетворение нового дивного мира.

Оба здания служили своим хозяевам с одинаковой преданностью, и у обоих была схожая судьба.

Каждая новая эпоха — Эдо, Мэйдзи — раз за разом сти-

рала замок с холма, но его упрямо восстанавливали. Так же и Департамент вырос на месте прежнего Главного управления полиции: сначала поврежденного землетрясением, а затем сожженного во время голодных бунтов и уличных боёв.

Я на мгновение замедлила шаг перед центральным входом, над которым сверкала золотом эмблема феникса. Только сейчас я подумала, насколько это символично: закон и порядок, возрожденные из пепла.

В лобби было светло, просторно и немногочисленно. Мой «сид» мгновенно подключился к системе дистанционного обслуживания, и перед глазами развернулось меню с выбором цели визита. На секунду я замерла, колеблясь между «Сообщить информацию о преступлении или подозреваемом» и «Подать заявление о пропаже человека», затем всё-таки выбрала второе. Иконка мигнула, уступая место уведомлению: меня ожидали у третьего окна.

За прозрачным стеклом мне приветливо улыбнулась девушка в синей униформе.

— Добро пожаловать. Чем могу помочь?

— Здравствуйте... — я чуть сжала пальцы, пытаюсь собраться с мыслями. — Я бы хотела сообщить о пропаже человека.

— Конечно. С какого времени с ним нет связи?

— Последний раз мы виделись позавчера.

— Назовите, пожалуйста, имя и возраст.

К окну тем временем подошли двое мужчин в штатском. Тот, что постарше, остановился чуть позади, явно дожидаясь, пока я закончу. Второй, моложе, подмигнул мне и, улыбувшись сотруднице, легко просунул в окно шоколадку.

— Нанами, — негромко сказал он. — После смены не хочешь заглянуть на Дотонбори, а?

Девушка слегка смутилась и быстро убрала угощение под стол.

— Рэн, у тебя всё интересное сводится к такояки и пиву. Не мешай работать.

Он выпрямился, принял расслабленную позу и, с наигранной скукой, уставился в потолок.

— Эх, Нанами, такой шанс теряешь. Вот заменят вас куклами — на чьё плечо обопрешься?

— Не заменят. Согласно этическому протоколу взаимодействия с гражданами, разработанному арбитром «Ринри», эмпатия повышает эффективность в долгосрочной перспективе и превосходит производительность кукол в краткосрочной, — с достоинством ответила она.

По выражению лица Рэна было ясно: он не понял ни слова. Девушка тяжело вздохнула.

— Ладно, я заканчиваю в шесть. А сейчас отойди, иначе я из-за тебя получу выговор.

Её лицо мгновенно стало официальным, и она снова посмотрела на меня:

— Простите. Имя пропавшего?

— Да... — я нервно кивнула. — Пропала моя подруга. Оцуки Хина. Мне кажется, её похитил Микагэ Тосио. Его ещё показывали...

Договорить мне не дали. Мужчина, стоявший за спиной, шагнул вперёд.

— Нанами, спасибо. Дальше я сам.

Он предъявил удостоверение:

— Коно Рюдзи, спецгент Департамента.

Я недоверчиво посмотрела сначала на него, затем на мерцающую голографическими цветами карточку. Руки на мгновение пронзил холод.

— Отдел контроля за пробужденными. Что случилось?

— Я веду дело Микагэ Тосио. Мы можем поговорить?

Краем глаза я заметила, как его напарник удивлённо вскинул брови.

— Слушай, но шеф ведь сказал...

— Я помню, что сказал шеф, — резко перебил его Рюдзи. — И помню, что камеры этого Микагэ не фиксировали, а тело до сих пор не опознали. Возможно, это наш единственный шанс.

На мгновение он задумался, затем достал коммуникатор и набрал номер. Пока тянулись гудки, он снова обратился ко мне:

— Оцуки Хина, да? Можешь назвать адрес — где и когда ты видела её в последний раз?

— Да, конечно. Позавчера, около девяти вечера, на углу

Нанивы и Китахорие. Там ещё есть небольшой клуб «Вижн».

Наконец на том конце ответили.

— Юмико, привет. Да. Поможешь с одним делом? Посмотри, есть ли у нас в базе Оцуки Хина... Есть? Отлично. А пробить её геолокацию по камерам сможешь? Ордер? Какой ордер — она потенциальный «проб». Дела ещё нет, заявление только поступило.

— «Проб»? — переспросила я, понимая, что он выходит за рамки своих полномочий.

Рюдзи взглянул на меня и на мгновение замялся.

У него были типичные для японца глаза — тёмно-карие, миндалевидные, но в их глубине чувствовалось что-то неожиданно располагающее.

— Извини, я даже не спросил твоего имени.

— Сакура, — я слегка поклонилась. — Томоэ Сакура.

Он прищурился. В его глазах вспыхнул живой интерес.

— ...и вот осталось их всего пятеро — господин и четверо вассалов, Томоэ была в числе уцелевших. — тихо произнёс он, затем сдержанно кивнул. — Сакура, если ты хочешь, чтобы мы нашли твою подругу, тебе нужно вернуться к окну регистрации и подать заявление не просто о пропаже, а указать, что ты подозреваешь у Хины синдром пробужденного сознания.

— Но ведь это неправда.

— В противном случае на получение ордера уйдёт слишком много времени. Кстати, она жила одна? Есть родствен-

ники?

— Мать. Кажется, в Химедзи.

— Тем более. Пока с ней свяжутся и получают согласие — пройдёт несколько дней.

Тяжело вздохнув, я в сопровождении Рюдзи вернулась к окну. Пока Нанами принимала заявление, он отвёл Рэна в сторону. До меня донеслись обрывки их разговора:

— Сейчас из отдела кибербезопасности пришлют историю перемещений Хины. Нужно будет проверить конечную точку её маршрута.

— Я что-то не понимаю, нафига нам это? Пускай уголовный отдел её поисками занимается.

— Рэн, если эта девушка была с Микагэ, мы сможем отследить место, где он жил.

— А если шеф узнает?

— О чём? О том, что мы начали разработку нового «проба»?

— Всё, я сделала, как вы сказали, — подойдя к ним, произнесла я.

В тот же момент коммуникатор Рюдзи коротко пискнул. На экране развернулась карта; он некоторое время молча её изучал, водя пальцем по поверхности.

Его действия немного удивили меня. Да, мобильные устройства всё ещё использовались, но в Потоке всё это можно было сделать быстрее и удобнее.

— Она проехала через весь город. Последняя точка —

Одзакитё, — обратился он к Рэну. — Я переслал тебе данные.

— Одзакитё? Чёрт... это же окраина города. И район там, мягко говоря, не из приятных. Мне одному туда ехать?

Рюдзи взглянул на часы.

— Меня уже ждут в «Кайдзэне». Разберусь с тем стариком из Азии и сразу к тебе.

— Стариком... — Рэн словно что-то вспомнил. — Слушай, сегодня утром отец Акари заходил, спрашивал как она.

— А что, он сам не ее навестит? Он же в курсе, в какой она больнице?

— Ты же знаешь, они почти не общаются. А после её перевода, похоже, окончательно рассорились.

— Ладно, передай ему, что всё в порядке. Через пару дней выпишут.

Я не понимала, что мне делать дальше. Казалось, что агенты про меня совсем забыли.

— Разрешите отправиться с вами, — сказала я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Если с Хиной что-то случилось, я хочу увидеть это своими глазами, а не узнать из новостей.

Рюдзи посмотрел сначала на меня, затем на Рэна.

— Что? — пожал плечами тот. — Ты старший. Да и если Кагэяма узнает, тебя максимум отчитают, а мне выговор в личное дело прилетит.

— Пожалуйста... — я сложила ладони и посмотрела Рюдзи прямо в глаза.

Он едва заметно кивнул напарнику.

— Хорошо. Только осторожнее. Если что найдёте — оформи её как понятую.

Через несколько минут мы с Рэном уже спускались в под-земку, и поезд понёс нас через весь город — всё дальше, к его глухим и тревожным окраинам.

Когда-то, до появления нейроимплантов или «сидов», названных так в честь самой ходовой линейки устройств, — и до Потока, люди постоянно пялились в экраны. В те старые карманные устройства. Это даже называли болезнью века.

Сейчас, глядя на пассажиров в вагоне — откинувшихся на спинки кресел, с застывшими, устремлёнными в никуда взглядами — я думала: может, болезнь никуда и не делась. Просто проросла внутрь, дала метастазы.

Развлекательные шортсы, мультичаты, интерактивные фильмы с нелинейными сюжетами, где зрители сами становятся героями собственных иллюзий — быстрые, лёгкие, продуманные до мелочей формы ухода от реальности. Сладкое забвение в новой обёртке.

Меня всё это мало интересовало, а вот мой сопровождающий, наоборот, затерялся где-то в цифровом мире.

Я легко коснулась его плеча. Это было невежливо, но я уже не выдержала. Мне нужно было поговорить с кем-то о Хине.

— Господин... агент... Простите, пожалуйста...

Его зрачки дрогнули, взгляд сфокусировался на мне:

— Какой я тебе господин? Просто Такао... или лучше

Рэн. Что случилось?

— Что будет с моей подругой... когда мы её найдём? Её ведь не отправят в «Кайдзэн»? И... мне кажется, агент Коно неправильно поступил, предложив мне солгать.

— Да ничего с ней не будет. Пройдёт тесты, сдаст анализы

— и домой. А Тамарин... — он замолчал, подбирая слово.

— В общем, сложный он человек... Но надёжный. Если что

— в беде не бросит.

— Тамарин?

— Его фамилия. По отцу, — мой собеседник слегка замялся. — Ты только его так не называй.

Я кивнула и на мгновение посмотрела в окно. Там, за стеклом, в серой глубине тоннеля вспыхивали статичные постеры. Скорость поезда превращала их в анимационный фильм: офисный клерк за рабочим столом вдруг преображался в яростного самурая. Взмах меча — и офисная техника разлетается в щепки. В финале, прежде чем реклама закончилась и я увидела свое отражение, мелькнул слоган: «Сообщите об СПС, пока не стало слишком поздно».

— А почему для ареста человека с СПС не требуется ордер?

— Ареста... — Рэн хмыкнул — арестовывают преступников, а «пробы» просто нездоровые люди. Но если их быстро не изолировать, могут дел натворить. Вот на той неделе слу-

чай был: парень, молодой ещё, как ты примерно, пробудился во время семейного ужина. Сначала чуть было родителей на тот свет не отправил — за то, что еда была «ненадлежащего качества». А потом, увидев картину с замком Осаки, потребовал отвезти его туда, чтобы предать огню.

— И что дальше было с тем парнем?

— Да то же, что и со всеми. Сдали в «Кайдзэн». Там он прежним уже не станет, но мозги ему вправят. Потом вернут в семью, если родня согласится взять над ним опеку.

— А если не согласятся? Или если родных нет?

— Обычно соглашаются. Да и желающих приютить «проба» хватает — очередь на несколько лет вперёд. Пособие приличное.

Вагон мягко трянуло, скорость начала падать. Рэн взглянул на схему маршрута.

— Приехали. Выходим. — он вздохнул. — Теперь ещё в пригородном поезде трястись.

Мы сделали пересадку. Окружающий пейзаж быстро менялся. Особенно это стало заметно, когда мы пересекли Сакаи. Вдоль дороги пространство заполонили граффити, горы мусора, а место башен центральных кварталов заняли обветшалые и полуразрушенные дома. Некоторые до сих пор не восстановили после землетрясения.

Рэн время от времени выпадал из мира, погружаясь в Поток, но затем, заметив мой задумчивый вид, решил поболтать и спросил, чем я занимаюсь.

— В основном подрабатываю в концертном клубе, — ответила я. — Всякая подсобная работа. Иногда владелец даёт нам шанс выступить.

— О, ты в группе играешь? Поёшь? — он сразу оживился.

— И то, и другое. Группа Sig:Nulls. Слышали? В Потоке есть несколько наших записей.

— Как ты сказала?.. Сигналы? — зрочки Рэна забегали — видимо, он пытался их найти.

— Нет, это сочетание двух слов: «сигнатура» и «нули». «Нулевые сигнатуры».

— И что это значит?

— Да ничего особенного. Просто... мне кажется, что в этом мире от людей остались только оболочки, и то частично искусственные. А души давно уже там, в Потоке.

— Слишком сложно для меня, — Рэн почесал затылок. — Вот знаешь певицу MAKINA? Всё же проще назвать группу своим именем.

Он мечтательно закатил глаза:

— Нанами её просто обожает. Я тоже немного втянулся. Вот эта её песня, как там...

Неуклюже, попадая мимо нот, он напел:

Я в ладонях твоих — словно птица,

Что небес не почувствует высь.

— Re:bird, — кивнула я и тихо, чтобы не беспокоить остальных пассажиров, подхватила:

Верни мне голос.

*Взгляни на меня — я всё ещё здесь,
У края обрыва,
Раскинув руки в попытке взлететь.
С угасшей верой,
Что тихо затмила чужая звезда...
Но раны от крыльев
Вновь кровоточат, надежду храня.*

Заметив, что он смотрит на меня с откровенным восторгом, я покраснела. Он хлопнул ладонями:

— Офигеть. Очень круто поёшь. На секунду показалось, что передо мной сама МАКИНА.

— Куда уж мне, — смущённо пробормотала я. — Вы знаете, специально для неё в «Кейтек» разработали уникальную модель киберсвязок. Она может петь сразу в десяти октавах.

Рэн кивнул. Вряд ли он знал, что подобная операция для Макино Эри — так на самом деле звали певицу — была скорее необходимостью, чем попыткой выделиться. До неё, из-за лучевой болезни, она не то что петь не могла — даже принимать пищу.

— Но мне больше нравятся коллективы из двухтысячных. — продолжила я. — Там AKFG, 9mm Parabellum, Refused.

— Я про такие даже не слышал. Небось древние, как кот моей матушки, — усмехнулся он.

«Древние».

Я на секунду замолчала, уцепившись за это слово.

— Рэн, а агент Коно... Он из тех, кто не приемлет новые

технологии? Или ему просто нравятся вещи из старой эпохи?

— С чего ты взяла?

— Ну, вот его коммуникатор, например. Редко кто сейчас такими пользуется. Через «сид» всё делается быстрее.

— Нет у него «сида». И к Поток он не подключён, — ответил Рэн и, заметив мой удивлённый взгляд, добавил: — Только я тебе этого не говорил, ладно?

Он понизил голос:

— В детстве его едва не убили. Из-за травмы он не может пользоваться нейроимплантами.

Я вздрогнула — от самой мысли, насколько мы с Коно Рюдзи в чём-то похожи.

В этот момент объявили нашу станцию.

Когда двери вагона открылись, в нос ударил солёный морской воздух, смешанный с запахом жжёной резины. Неподалёку маячил заброшенный торговый центр с выбитыми стёклами. Над ним тянулись струйки сизого дыма.

◇◇◇

— Та ещё дыра, — фыркнул Рэн, выйдя на платформу. — Ни разу тут не была?

Я помотала головой.

— Держись рядом. — он на секунду завис. — Судя по карте, нам в сторону залива.

Пока мы шли, я поразилась, насколько велика разница между центром города и его окраинами. Говорят, Осаке по-

надобилось около десятка лет, чтобы оправиться от катастрофы и восстановить порядок на улицах. Но, глядя на спящих или находящихся под кайфом людей посреди дороги, на инвалидов в изношенной военной форме, на заколоченные фанерой окна домов, на ограды, изрисованные символикой банд и группировок, казалось: всё, что нарушало спокойствие города, власти выдавили сюда.

В одном из переулков я заметила группу мотоциклистов в нелепо ярких прикидах. Они наблюдали за тем, как желтая кукла-строитель изо всех сил лупит монтировкой дрона курьерской службы, пытаясь вскрыть контейнер с заказом.

— Давай, господин Кодзи-Молот! Мы в тебя верим! — заорал один из них и отвесил кукле пинок, отчего та покачнулась.

Я обернулась к Рэну:

— Вы не вмешаетесь?

— Ради чего? — протянул он. — Чьей-то посылки? Она наверняка застрахована. А я всё ещё люблю свою жизнь. Да и что мне им предьявить?

Мне показалось, что он на всякий случай проверил пистолет в кобуре и сжал-разжал ладони в необычных перчатках.

— Скажут, что у куклы перегрелся процессор, — продолжил Рэн, сворачивая за угол. — А может, и не скажут — треснут по голове арматуриной, потом разберут на органы и толкнут в Кобе каким-нибудь якудза.

— Так, вроде, это здесь. — Он снова сверился с картой.

Мы остановились возле невзрачного двухэтажного дома. Ограды не было. Крыльцо завалено хламом — бухты проводов, обрезки труб, выцветшие пластиковые ящики. Окна, как и у большинства домов в округе, были заколочены фанерой и закрыты стальными решётками.

Рэн подошёл к двери, по пути сдвинув ногой пустую канистру. Нажал на кнопку звонка.

— Думаете, дома кто-то есть? — не удержалась я.

— Всё по уставу, — буркнул он, бросив на меня скептический взгляд.

Затем наклонился к динамику старого интеркома и громко произнёс:

— Агент Такао Рэн. Департамент безопасности. Согласно постановлению Арбитра Хорицу, статья 144, часть третья. Подозрение в укрывательстве субъекта с СПС. Прошу открыть дверь.

Тут же раздался щелчок автоматического замка.

— Сначала я. Жди, пока не позову.

Он достал пистолет, слегка приоткрыл дверь и бесшумно исчез внутри.

На улице было пусто, даже слишком. Окружающую тишину нарушали только отдалённый лай собак да лёгкое гудение проводов. Я подняла голову и заметила: от ближайшей линии электроснабжения к дому тянулся пучок силовых кабелей — толстый, чужеродный паразит, присосавшийся к городской магистрали.

Через пару минут Рэн появился на пороге и махнул рукой — мол, можно заходить.

Я оказалась в обычной комнате. Внутри царил сумрак. Окна были зашторены. Под потолком тускло мерцала единственная лампочка. В углу лежал футон, под которым явно что-то было. Рядом на полу стоял поднос, на котором располагались пара мисок с остатками еды, по которым ползали мухи.

— Что здесь, что наверху — ничего, — сказал Рэн, убирая пистолет. — Ни мебели, ни личных вещей.

Я присела у подноса.

— А почему тут два комплекта посуды?

— А?

— Вот смотрите. — Я обернулась к Рэну — Будто он жил не один.

Рэн, хмыкнув, приблизился.

— Кого-то ты мне сейчас напомнила. Вы с агентом Коно, случайно, не родственники? — он прищурился, переведя взгляд на футон. — А тут у нас что?

Он откинул его, и нашему взору открылись небольшой пластиковый мешок с маркировкой «цемент» и чёрный прямоугольный контейнер.

Рэн встал на колени перед ним, щёлкнул замками и откинул крышку.

Внутри, в несколько рядов, стояли десятки пустых ампул. Я не сразу поняла, что это. Но запах... металлический, слад-

ковато-гнилостный... я узнала его сразу.

— Ихор, — мрачно резюмировал Рэн. — Дозировки не детские. Неудивительно, что у этого Тосио так быстро крышу снесло.

Включив фонарик, он осветил внутрь.

— Маркировки стерты, — он внимательно пригляделся к одной из ампул.

Затем переключил фонарик в режим ультрафиолета. И наблюдая, как на тонком стекле проступают едва заметные штрих-коды произнес:

— «Кайдзэн».

Убрав пустую ампулу и сдвинув контейнер в сторону, он приступил к осмотру мешка.

Сверху была наклеена накладная: портландцемент, дата отгрузки, отправитель — Wagō Zaidan, Кобе, получатель — Микагэ Тосио, Осака.

Не обнаружив больше ничего интересного, Рэн достал складной нож и проткнул мешок, затем резко отпрянул, отбросив нож. По лезвию заструилась серая пыль, быстро приобретая красноватый оттенок. Неприятно запахло какой-то химией. Через минуту от лежащего на полу ножа остались только деревянные накладки на рукоять и горсть пыли практически неотличимая от цементного порошка.

Рэн шагнул назад, увлекая меня за собой.

— Чёрт... у тебя есть аугменты?

Я замешкалась.

— Неважно. В любом случае не подходит.

Он потянул меня на улицу, но я одернула его.

— Вы слышите? — прошептала я.

— Что?

Я направилась в соседнюю комнату.

Глухо, будто сквозь бетон, откуда-то снизу доносилась музыка. Я приложила ухо к полу. Женский голос, срывающийся на фальцет. Я чётко различила строчки из Re:bird.

— Ну-ка, пусти. — Рэн отстранил меня, прислушался сам. Пару раз стукнул по полу и, услышав гулкий отклик, откинул циновку.

Показался стальной, прямоугольный люк, с выемкой под пальцы.

Рэн вновь достал пистолет и рывком поднял крышку.

Под ним, вниз, в полумрак, уходили металлические ступени. Пахло стерильным холодом. По спине пробежали мурашки.

Внизу было просторно. Нас окружали десятки дисплеев, их тусклый свет разливался по помещению. Вдоль одной из стен стояли серверные стойки, индикаторы мигали красным и зелёным. От оборудования к потолку тянулись толстые кабели — словно сосуды живого организма. Гудела система кондиционирования. Воздух был ледяным, с примесью антисептиков.

Среди всего этого на бесконечном повторе звучала пес-

ня Макино Эри, а экраны показывали её образы: интервью, клипы, концерты. В центре стояла стойка с голографической моделью певицы. В углу валялись останки роботизированной куклы с силиконовым лицом звезды.

Позади послышался шорох. Я обернулась. Рэн исчез за полупрозрачными занавесками, за которыми угадывались очертания операционного кресла.

Я прошла за ним и откинула полог. Он сразу повернулся, и расставил руки, словно стараясь что-то закрыть от меня:

— Стой. Не смотри!

Рэн схватил меня за руку, пытаюсь увести, но было поздно — я уже всё увидела.

Импровизированная операционная. Повсюду кровь, впере­мешку с машинным маслом.

В кресле, пристёгнутая ремнями, с запрокинутой головой, лежала моя подруга.

Хина.

Переодетая в сценический костюм. С ярким макияжем. Со стеклянными глазами. Рядом, на металлическом столе — скальпели, щипцы, хирургический модуль для микро­манипуляций. Там же лежал парик, повторяющий причёску Макино Эри.

Губы... рот... нет — то, что когда-то было ртом. Нижняя челюсть удалена, щёки вспороты, лицо застыло в неестественном оскале. Казалось, он пытался добраться до голосовых связок.

Из затылка Хины к одному из серверов тянулся толстый кабель. Череп девушки вскрыт, провода подключены напрямую к «сиду». Будто этот психопат пытался взломать её разум — закачать что-то, минуя блоки и защиту.

Я не выдержала. Слезы потекли по щекам, и крик — нет, скорее глухой стон — вырвался наружу. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. В тот же миг грянул припев Re:Bird. Рэн мягко обнял меня, пытаюсь оттащить от Хины. Я оттолкнула его и бросилась вверх по лестнице, едва не споткнувшись на ступенях.

На улице меня несколько раз вырвало. Рот наполнился едкой горечью. С трудом отдышавшись, я села на крыльце.

Вышел Рэн. Присел рядом, достал сигареты и закурил. Протянул мне открытую пачку — я не стала отказываться. Хотелось перебить неприятный привкус во рту хотя бы табачным дымом.

Через минуту он отбросил окурочок, поднялся и, отойдя в сторону, связался с Рюдзи.

— Нашли. Мертва. Следы хирургического вмешательства. У него в подвале лаборатория. Всё переделано под операционную. Полно разного оборудования.

Он ненадолго замолчал, подняв глаза к небу.

— Не все. Ещё «пыль» и ихор. Пыль под видом цемента ввезли из Кобе, какие-то Wagō Zaidan. А ихор — угадай откуда. Ага. Похоже, в «Кайдзэне» завелась жирная крыса.

— Да к черту «Родан». Вызову криминалистов — пусть

сами с ними возьтятся. По Тосио... и «Окинавским псам» — пусто. Вообще ничего.

Я сделала последнюю затяжку, раздавила окуроч подш-вой ботинка и медленно подняла взгляд на Рэна. Он посмот-рел в ответ, выслушивая последние указания, затем сбросив вызов произнес:

— Слушай, Сакура. Я понимаю, каково тебе сейчас. Но скоро придут судмедэксперты. Тебе придётся подтвердить личность подруги. Сможешь?

Я машинально кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

К тому моменту, как с меня сняли показания и отпустили домой, уже стемнело.

Ничего не хотелось. В голове стоял тяжёлый туман, а всё происходящее напоминало затянувшуюся сцену из дешевого хоррора.

Любые мысли о МАКИНА теперь вызывали стойкое от-вращение. Вряд ли я ещё смогу слушать её голос, её песни. Убийца-извращенец Микагэ Тосио лишил меня не только подруги, но и человека, который заставлял двигаться вперёд, держаться за мечту. Теперь её имя навсегда связано с тем ужасом, который я пережила.

Я не помню, как добралась до дома. В какой-то момент просто оказалась у своей двери.

Идентификационная панель считала биометрию, пискну-ла — дверь распахнулась, впуская меня внутрь. Не снимая

обуви, я прошла на кухню. Хотелось чего-то крепкого. Я открыла холодильник, но кроме аккуратных рядов ампул с ихором там ничего не оказалось.

Я резко захлопнула дверцу. В тот же момент пришло уведомление.

Подтверждение бронирования.

Маршрут: Осака — Киото.

Отправление: вокзал Оямадзаки.

Прибытие: вокзал Киото.

Ниже, резало глаза напоминание: **рекомендуется прибыть за 60 минут до отправления для прохождения пограничного и таможенного контроля.**

Я задержала взгляд на дате: эта суббота. Бессильно уткнувшись лбом в холодную поверхность, я вызвала список контактов и набрала номер.

— Юдзи... у тебя ещё осталась та водка из Владивостока?

Глава 4

Из динамика послышался сухой треск, когда Рюдзи нажал кнопку вызова. Он представился, назвал цель визита и приложил удостоверение к считывающему устройству. Интерком откликнулся дежурным: «Пожалуйста, ожидайте». Спустя несколько секунд створки скрипнули, и массивные стальные ворота медленно поползли в стороны.

Рюдзи завёл мотор и плавно направил машину к трёхэтажному зданию с вывеской «Кайдзэн» над центральным входом.

Комплекс занимал огромную огороженную территорию и больше напоминал тюрьму, нежели лечебное учреждение. Высокие бетонные стены, опутанные колючей проволокой, видеокамеры через равные промежутки. Периметр патрулировали двое охранников, рядом с которыми бесшумно перемещался белый сферический бот — отдалённо напоминающий штурмового «Куромару».

Припарковавшись напротив странного, неестественно изогнутого дерева, Рюдзи задержал на нём взгляд. Это была плакучая сакура — её тонкие, поникшие ветви выглядели вывернутыми наизнанку. Возможно, её неудачно подрезали после цветения, а может, она была поражена болезнью.

С неожиданной для себя тоской он подумал, насколько точно это дерево отражает судьбы обитателей этого места.

Большинство пациентов выходили отсюда после периода адаптации — под опеку родственников или назначенных Департаментом здравоохранения попечителей. Постоянными жильцами оставались те, кто не смог принять изменившуюся реальность — те, чьи «призраки» были уверены, что оказались в аду Дзигоку, где судья душ Энма определяет их судьбу в бесконечном круговороте сансары.

По пути в «Кайдзэн» Рюдзи невольно задумался о природе синдрома пробуждённого сознания. Насколько ему было известно, душевные болезни всегда сопровождали человечество, и психиатрические лечебницы во все времена держали в своих стенах людей, уверенных, что они — великие полководцы, гении или даже божества.

Однако с появлением Потока и распространением нейроимплантов встретить на улицах современной Осаки Оду Нобунагу или Миямото Мусаси стало по-настоящему возможно.

Поначалу СПС приняли за разновидность шизофрении, но всё изменилось, когда улицы заповил нелегальный ихор. Всплеск «пробуждений», прокатившийся по автономиям, показал, что речь идёт о явлении иного порядка.

Позже удалось выделить два ключевых фактора, провоцирующих заболевание: Поток — новейшую виртуальную среду — и ихор, препарат, многократно ускоряющий обмен данными между мозгом и нейроимплантом.

При этом ни методик лечения СПС, ни способов вернуть

пациентам их истинный разум до сих пор не существовало. Известно было лишь одно: для активации «пробуждения» доза ихора должна многократно превышать допустимую. И теперь его распространение жёстко контролировалось Департаментами здравоохранения и безопасности.

Едва Рюдзи выбрался из машины, коммуникатор в кармане тревожно завибрировал. На экране высветилось имя Рэна.
— Что у тебя? Девушку нашли?

Ответ напарника отозвался внутри неприятной пустотой — провалом, невыполненным обязательством перед обществом, которое он поклялся защищать.

— Понял... — коротко бросил Рюдзи. — Судя по голосу, это ещё не всё.

Он поднял взгляд на вывеску над входом:

— «Кайдзэн»...

— Протокол ты знаешь. Вызывай криминалистов и... «Родан». И ещё — в доме есть хоть что-то на Тосио? Кто он вообще такой? Есть что-нибудь, что может связать его с радикалами?

— Вот как? Я понял. Подъеду, как только закончу здесь. Оставайся на связи.

Сбросив вызов, Рюдзи хлопнул дверью и направился ко входу. У крыльца его уже ждал директор центра — Эмура Кацуо. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Господин Коно, добро пожаловать. — Эмура поспешно

поклонился, отступая в сторону. — Мы вас уже заждались... — Понимаю, сейчас вам не до нас. Теракт в самом центре города... страшно даже представить...

Под его сбивчивый, тревожный монолог они прошли в холл. У проходной Рюдзи автоматически потянулся за удостоверением, но директор дал знак охране, и их без проблем пропустили.

Центр, помимо Департамента здравоохранения, находился под патронажем Департамента безопасности. Любой визит его сотрудников вызывал у Эмуры лёгкую паранойю: вдруг это внеочередная проверка, вдруг он что-то упустил. Патологическая боязнь потерять место толкала его на невольные попытки угодить каждому представителю власти, которые время от времени появлялись здесь.

— Господин Коно... — он натянуто улыбнулся, будто заранее извиняясь. — Возможно, придётя немного подождать. У господина Оганэ сейчас посетитель. Но, думаю, они скоро закончат.

— Посетитель? Кто-то из родственников? — Рюдзи внимательно посмотрел на него.

— Нет. Журналистка. Готовит репортаж о наших подопечных. Указание о содействии поступило напрямую от арбитра «Ринри».

— Ясно. Всё равно проводите. Мне будет интересно послушать.

— Да-да, конечно...

У двери в реабилитационное отделение Эмура вдруг замялся.

— Кстати... насчёт родственников. — Он достал ключ-карту и открыл дверь. — На прошлой неделе Оганэ Того навещала дочь.

— Дочь? — Рюдзи шагнул внутрь. За спиной щёлкнул замок. — В личном деле о ней не упоминалось.

Они двинулись по длинному коридору, минуя ряд одинаковых стерильных палат, и вскоре вышли в просторную зону отдыха, залитую мягким светом.

Рюдзи невольно замедлил шаг. Раньше он здесь никогда не был — всё ограничивалось бумажной волокитой на проходной, когда они с Рэном привозили очередного «проба». И сейчас его невольно поразило сюрреалистичное смешение представителей разных эпох в одном замкнутом пространстве.

Обычный человек, взглянув на пациентов, скорее всего не заметил бы ничего особенного — просто душевнобольные в одинаковых бежевых пижамах. Но для Рюдзи, с детства одержимого историей, различия были очевидны.

Посреди комнаты, двое самураев сидели на полу, гордо выпрямив спины. Они с важным видом спорили о превосходстве эпохи Эдо над реформами Мэйдзи.

В углу — военный времён Второй мировой войны методично складывал из бумажных салфеток миниатюрные копии кораблей и самолётов.

Чуть поодаль — монах эпохи Камакура только что закончил молиться над самодельными оберегами из тех же салфеток, исписанных тушью, и принялся раздавать их остальным пациентам. Иероглифы расплывались, линии дрожали, но это никого не смущало.

Одну группу мужчин монах обошел стороной. Те держались особняком, общались только между собой. Остальные так же игнорировали их, избегали.

Буракумины. Каста «нечистых». Изгои, которых сторонились во все времена.

Остальные пациенты, из тех, кто хоть как-то адаптировался к новой реальности, собрались у огромной телевизионной панели. Они с азартом следили за бейсбольным чемпионатом между автономиями, не забывая щедро осыпать игроков ехидными комментариями.

В кресле у стены, откуда помещение просматривалось лучше всего, сидел молодой санитар. Комплекцией он больше напоминал сумоиста, чем сотрудника медучреждения.

Заметив вошедших, он тут же неуклюже вскочил и с показным подобострастием застыл напротив.

— Кенма, это господин Коно из Департамента безопасности, — представил его Эмура.

Затем огляделся, нахмурившись:

— Хм... не вижу господина Оганэ.

— Они во внутреннем дворе, в чайном домике, — ответил санитар. — Гонта... то есть Оганэ... сказал, что там ему

комфортнее вести беседу.

Эмура кивнул, будто избавился от части ответственности, и повернулся к Рюдзи:

— Прошу простить, но меня ждут дела. Кенма вас проводит.

— Не смею задерживать. Позже я хотел бы обсудить ещё несколько моментов, касающихся работы центра. Надеюсь, вы будете на месте.

— Разумеется. Мой кабинет на втором этаже, в конце коридора, — слегка побледнев, ответил тот и поспешил прочь, время от времени бросая за спину настороженные взгляды.

Внутренний двор напоминал традиционный чайный сад: асимметричное сочетание причудливо подстриженных кустов, раскидистых деревьев, каменных фонарей и небрежно разбросанных валунов. Между ними умиротворенно поблескивал пруд, в котором лениво скользили карпы.

Санитар, будто предугадывая вопрос, пояснил:

— Это идея господина Эмуры. Здесь, по его мнению, наши постояльцы хотя бы на время могут забыть, что мир, каким они его помнили, остался далеко в прошлом.

Сделав ещё несколько шагов, Кенма остановился у тропинки, ведущей к чайному домику — по виду скорее открытой беседке — и коротким кивком дал понять, что дальше Рюдзи справится сам.

Внутри находились двое: пожилой мужчина в бежевой

больничной пижаме и женщина в строгом деловом костюме. Оба, казалось, не заметили появления Рюдзи. Старик — Оганэ Того — целиком погрузился в подготовку чайной церемонии, а женщина сидела спиной ко входу.

Её короткая рваная стрижка и густые чёрные волосы цвета воронова крыла показались Рюдзи смутно знакомыми.

Ополоснув руки в чаше с водой, он негромко постучал по деревянной стойке, обозначая своё присутствие.

Первым его заметил Того. Чайник был отставлен в сторону; подняв голову, старик несколько секунд внимательно всматривался в гостя. Затем лицо его внезапно просветлело. Он резко опустился на колени и, глубоко кланяясь, взволнованно заговорил:

— О, высокий господин Рентаро! Я искренне рад, что вы соизволили откликнуться на моё скромное послание!

Резкая перемена в поведении собеседника заставила женщину обернуться. Рюдзи узнал Мидзухару Кокоми — и на мгновение замешкался. Повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь пыхтением старика, который с особым усердием продолжал кланяться.

— Госпожа Мидзухара... не возражаете?

Рюдзи вошел в домик, мягко поднял Того за плечи и усадил обратно на татами, после чего расположился между ним и Кокоми.

— Конечно. Мы почти закончили.

— Госпожа, как же так? — встрепенулся старик. — Я ведь

ещё толком ничего не рассказал! Да и чай только заварился...

Ловко подхватив чайник, он подался вперёд, разлил напиток и протянул каждому по пиале. Затем низко поклонился и вернулся на своё место. Движения его оставались точными, хотя дрожь в пальцах выдавала и возраст, и волнение.

— Господин Оганэ... простите, но почему вы назвали меня Рентаро? — спросил Рюдзи.

— Господин, вы путаете... — старик нахмурился. — Моё имя — Гонта. А вы и есть господин Рентаро! Неужели забыли, как спасли нашу деревню от злых духов Они?

Пригубив чай, он снова повернулся к Кокоми:

— Прекрасная госпожа интересовалась моей историей? Тогда слушайте. Последнее, что я помню до того, как очутился в покоях небесного дворца, — была зима. Наш староста Гэмбэй с сыновьями перебрали сакэ и забыли запереть хлев.

Волки не дремали. Под покровом ночи пробрались в деревню и задрали бычка — не простого, а того самого, что наш господин получил в дар от великого сёгуна.

На следующий день господин прознал о случившемся. В ярости он избил старосту и его сыновей палками, а всех мужчин погнал в лес. Велено нам было выманить волков, дабы господин покарал их собственноручно.

Старик вздохнул, будто вновь переживая те события.

— Бродили мы по заснеженным тропам до самой темно-

ты, — продолжил он. — Я отбился от остальных, заплутал... последнее, что помню — лютый холод, пробирающий до костей, и как меня начало клонить в сон.

Очнулся я уже в белых покоях. Встретила меня богиня Каннон. Я-то думал, она укажет путь в nirvanу. Но нет. Сначала велела читать какие-то мантры перед странным камнем с надписью «Подтвердить перевод». Потом вручила мешочек риса и отправила сажать его во двор.

Сокрушенно покачав головой, он добавил:

— Признаться, я удивился, зачем ей это. Земля-то там для риса совсем непригодная. Пыль да камни... странная богиня.

Затем перевел взгляд на Рюдзи.

— А потом появился господин Рентаро. Усадил меня в чудо-повозку, что катится сама, и привёз сюда.

— Я вас сперва не признал... Но теперь ясно вижу — это вы. Ваше доброе сердце не изменилось. Иначе и быть не могло: коль заняли вы столь почётное место на Равнине Высокого Неба.

— Всё, что я рассказал, случилось через год после того, как вы спасли нашу деревню от нападений Они. После великой битвы эти духи повадились красть у нас кур, зерно... никто не мог с ними справиться.

Он вдруг замолчал, затем продолжил, глядя в своё отражение в пиале:

— Приходила... Сая. Жена ваша, господин. Не так давно

приходила. Выглядела иначе... Стала другой. Но я всё равно узнал её.

Слова старика звучали как бред: боги, дворцы, Каннон, Рентаро, жена — всё смешалось в единый клубок. И всё же... директор Эмура действительно упоминал о какой-то дочери. Подставная личность? Она могла быть кем угодно.

— Значит... Сая? И о чём вы с ней говорили?

— Она спрашивала... про богиню. Про ту, что встретила меня. Хотя теперь... — старик почесал висок, — не уверен. Может, это и не богиня вовсе. Я рассказал ей всё, как вам сейчас, господин Рентаро. От начала и до конца. Без утайки.

Пока Рюдзи обдумывал услышанное, вмешалась Кокоми:

— Он, возможно, принял за богиню Каннон... свою жену.

А эта Сая, по всей видимости, её искала.

Она на секунду отвела взгляд, затем продолжила:

— Я попыталась провести собственное расследование.

Неофициально. То, что я скажу прозвучит странно... Но совпадений слишком много.

— Что именно?

— За последний год в «Кайдзэн» поступили несколько очень состоятельных пациентов.

— И?

— У всех одна и та же история.

— Как у нашего чайного мастера? — он взглянул на Оганэ Того. Тот, казалось, уже выпал из разговора и с блаженным видом наблюдал за воробьями у порога.

— Они все женились и заключали брачные контракты незадолго до пробуждения. Потом их переводили в «Кайдзэн», а жёны исчезали. Со всеми деньгами.

— Похоже на брачную аферу. Нужно навестить жену Оганэ.

— Вряд ли вы там что-то найдете.

— Почему?

— Я вчера была у его дома в Азии. Там никого. А по документам из муниципалитета его жена умерла несколько лет назад.

Что-то неприятно кольнуло внутри: слишком много «мертвых душ» крутится вокруг него в последнее время.

— Госпожа Мидзухара, вы ведь делитесь этим не из добрых побуждений?

— Да. Мне нужна ваша помощь. В Потоке в виртуальном Ямато у меня есть небольшое предприятие — бар. Несколько месяцев назад моя деловая партнерша погибла в аварии. А недавно мне сообщили, что её видели на одной из площадок по обмену цифровыми активами.

— Может, это была не она? Я слышал, в виртуале можно выбрать любую внешность.

— Не в этом случае. Если в Потоке, в виртуальном Ямато, ведешь бизнес, аватар...

— ...соответствует реальной внешности и подтягивается из АйДи, — закончил Рюдзи.

— Да.

— Контакты этой женщины у вас остались?

— Да. Её звали Такамори Аюми.

Рюдзи сделал несколько пометок в коммуникаторе:

— Я проверю. Похоже, здесь одна схема. Если узнаете что-то ещё, свяжитесь со мной напрямую.

Он достал из внутреннего кармана блокнот, записал номер, вырвал листок и протянул женщине.

Кокоми удивлённо повертела его в руках, затем сложила и убрала.

— Простите за бестактность, но могу я уточнить кое-что касательно Накашимы?

— Что именно? — Рюдзи внимательно посмотрел на неё.

— В официальном пресс-релизе сказано, что предположительно это теракт радикалов. Но прошло уже несколько дней, а ответственность никто так и не взял.

— Я не могу обсуждать это, пока идёт расследование. И этим делом я больше не занимаюсь. Почему вас это интересует?

Мгновение поколебавшись, она ответила:

— Я навела справки по подозреваемому — Микагэ Тосио. Оказалось, что он давно умер. Я общалась с его коллегами — они подтвердили: его придавило погрузчиком. Семьи у него не было, и что мол похороны взяла на себя благотворительная организация — Wagō Zaidan.

— Wagō Zaidan?..

В памяти всплыл разговор с Рэном — о его находках в до-

ме Тосио и накладной, где в отправителях значилась фирма с тем же названием.

— Госпожа Мидзухара, прошу вас пока не публиковать ничего из того, что узнали. Это может быть опасно для вашей жизни.

— Поняла, — сказала она тише. — Буду осторожна.

Они допили чай. Затем вместе с Кокоми проводили старика Оганэ, упорно просившего называть его Гонтой, в комнату отдыха и передали в заботливые руки Кенмы. Старик не переставал благодарить их, постоянно кланяясь:

— Надеюсь, вы с госпожой ещё придёте. Обязательно придёте...

Когда они вышли в коридор, Кокоми повернулась к Рюдзи:

— Вы в Департамент? У меня здесь корпоративный аэрокар. Могу подвезти.

— Спасибо, я немного задержусь. — Рюдзи бросил взгляд на часы. — Нужно обсудить пару вопросов с господином директором.

Он придержал для неё дверь.

Смущенно улыбнувшись, Кокоми кивнула и вышла в холл. Негромкий стук каблуков постепенно растворился в коридоре.

Рюдзи несколько мгновений смотрел ей вслед, затем развернулся и направился наверх — к кабинету директора Эмуры.

Эмура Кацуо был бледен. Трясушимися руками он налил себе воды из графина, высыпал на ладонь пару таблеток успокоительного, закинул их в рот и жадно запил.

— Утечка ихора?.. Это невозможно. У нас всё под контролем. Департамент здравоохранения регулярно проводит аудиты. Посмотрите нашу отчетность.

Он торопливо протянул Рюдзи планшет. Тот проигнорировал жест директора. Сидя напротив Эмуры, закинув ногу на ногу, он молча разглядывал кабинет. Ни намека на роскошь — строгая мебель, стерильная аккуратность, всё выверено до миллиметра.

«Этот человек слишком фанатично держится за место», — отметил про себя Рюдзи. «Не удивлюсь, если он надеется повторить карьеру предшественника, разменявшего пост директора на кресло министра. Такой не станет рисковать ради мимолётной выгоды. Он просто боится, что вся ответственность ляжет на него».

— В вашей компетентности я не сомневаюсь, господин Эмура, — наконец произнёс он. — Но, возможно, что-то необычное случилось в последнее время?

Директор поерзал в кресле и нервно сглотнул.

— Да... пожалуй, вы правы. На прошлой неделе, во время планового осмотра, один из пациентов опрокинул стойку с лекарствами. В числе прочего — ампулы с ихором. Но весь материал был собран и утилизирован. Инцидент зафиксиро-

ван, докладная отправлена.

— Кто проводил осмотр?

— Кобаяси Мизухо, невролог. — Эмура быстро отстучал что-то на клавиатуре. — Она сегодня на смене. Вызвать её?

— Будьте добры.

Директор потянулся к интеркому:

— Госпожа Кобаяси, зайдите, пожалуйста. Срочно.

Пока они ждали, Рюдзи задал ещё один вопрос:

— Вы упоминали, что к Оганэ Того приходила дочь.

— Да. — он уставился в экран. — Согласно записи в журнале посещений: Оганэ Юки. Была здесь неделю назад.

— Можете описать её?

Он задумался:

— Обычная, лет двадцать-двадцать пять. Рост около метра шестидесяти, тёмные волосы, бейсболка, куртка военного образца. Сейчас вся молодёжь так ходит... — он нахмурился. — Хотя было ещё кое-что. Когда охрана её досматривала, сканер показал наличие киберпротезов.

— Протезов?

— Да. Аугменты ног. Хотя по походке не скажешь. Либо идеальная синхронизация, либо поставили ещё в детстве.

— Я понял. Пришлите мне записи с камер за тот день.

Раздался нерешительный стук в дверь. В кабинет вошла женщина лет сорока, в белой униформе. Волосы собраны в аккуратный пучок.

— Господин директор, вызывали?

— Да, проходите, пожалуйста. Присаживайтесь, — он указал на свободное кресло.

Она села, скрестив руки на коленях, и тут же замерла, встретившись взглядом с Рюдзи.

— Это агент Коно из Департамента безопасности. У него к вам несколько вопросов касательно инцидента на прошлой неделе, — поспешил пояснить директор.

— На прошлой? — она на миг задумалась. — Ах да. Один из пациентов разволновался, когда я стала брать у него кровь на анализ. Сказал, будто я — женщина-паук Дзёроугумо. Он едва не разнес половину кабинета.

Рюдзи заметил, что в процессе рассказа она то и дело тербила полы халата.

— Мадам Кобаяси, вы давно здесь работаете? — спросил он.

— Четыре года, — ответила она, упрямо глядя то в пол, то в окно.

— А зарплата? Устраивает?

Её рука на мгновение застыла.

— Всё в порядке. А к чему эти вопросы? Вы меня в чём-то подозреваете? Если это из-за тех разбитых ампул — то это была чистая случайность.

— Ампул? — Рюдзи приподнял бровь.

Кобаяси заметно напряглась.

— На стойке, которую опрокинул пациент, были подотчетные препараты. Меня уже допрашивал инспектор из Де-

партамента здравоохранения. Я всё рассказала — не один раз.

Повисла тишина. Рюдзи внимательно изучал собеседницу. Та вновь отвела взгляд и стала тереть пальцы, будто пытаясь снять обручальное кольцо.

— У вас есть муж? Дети?

— Я в разводе. Сын учится в средней школе. А при чём здесь это? — она повернулась к директору. — Господин Эмура, я не понимаю, зачем вы меня вызвали.

Присутствие директора ощутимо мешало допросу.

— Господин Эмура, — произнес Рюдзи. — понимаю, что это против правил, но не могли бы вы оставить нас с мадам Кобаяси наедине? Это займёт всего несколько минут.

— О, у меня как раз время дневного обхода. — он моментально вскочил и покинул кабинет.

Едва за директором закрылась дверь, Рюдзи продолжил:

— Вы давно видели бывшего мужа?

— Давно. Он живёт в Киото.

— Даже на выходные к сыну не приезжает?

— Редко. Только когда у него дела в Осаке.

Рюдзи уловил дрожь в её голосе. Когда она подняла руку, чтобы поправить выбившуюся прядь, он заметил на шее синяки, проступившие сквозь тональный крем.

— А чем он занимается? — Рюдзи достал коммуникатор и что-то быстро напечатал.

— Точно не знаю. Что-то связанное с логистикой.

— Ваш муж — Кобаяси Ичиро?

— Да. Откуда вы?..

Он не дал ей договорить. Просто повернул к ней экран коммуникатора с фотографией мужчины чуть старше среднего возраста.

— Согласно данным пограничного контроля, последние несколько недель ваш бывший муж провёл в Осаке и только вчера покинул город. Вы уверены, что не виделись с ним?

— Да... Нет... — она сжала ткань халата так, что побелели пальцы.

— Госпожа Кобаяси, простите за столь личные вопросы. Просто... если есть подозрение на насилие в семье, которое может угрожать жизни ребёнка, я обязан сообщить в службу опеки.

— Нет, нет, постойте! — она встревоженно замахала руками. — Какое насилие? Вы о чём?

— Вы же не хотите сказать, что синяк у вас на шее появился случайно?

Она резко подняла ворот халата.

— Не переживайте. Мальчика переведут в спецучреждение. Там он получит образование и профессию.

Кобаяси смотрела на Рюдзи, не в силах вымолвить ни слова.

— Но есть и другой вариант. Если ваш бывший муж будет заподозрен в противоправных действиях, его объявят в розыск. А вам с сыном, как свидетелям, будет гарантирована

защита.

Женщина опустила голову и прикусила губу.

— Я не хотела этого... — прошептала она. — Он приехал внезапно, без предупреждения. Угрожал. Сказал, что забереёт Рёскэ.

Она судорожно вдохнула и зажала рот рукой. Рюдзи предложил ей воды.

— Что было дальше?

— Я думала, если отдам ему эти чертовы ампулы — он исчезнет. — она сделала глоток пытаясь унять дрожь в голосе.

— О каком объёме препарата идёт речь?

— Много... Сотни доз.

Рюдзи нахмурился. Рэн говорил о нескольких десятках пустых ампул, найденных на квартире Микагэ. Это явно был не единичный случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.